

Петр Никонов

Долгое путешествие

Петр Никонов

**Долгое путешествие.
Остросюжетный иронический
мистический шпионский
детективный путеводитель**

«Издательские решения»

Никонов П. В.

Долгое путешествие. Остросюжетный иронический мистический шпионский детективный путеводитель / П. В. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908119-3

У него тысячи имен и лиц. На всех континентах его знают как лучшего промышленного шпиона. Его считают всемогущим — и это почти правда. Но кто он такой на самом деле известно лишь кучке ближайших друзей. Что же произойдет, когда всемогущий столкнется в борьбе за тайны нашего мира с по-настоящему достойным противником? Лихо закрученная смесь тайн, заговоров, мистики, расследований, приключений, политики, предательств и страсти, разбавленная отличным юмором в лучших традициях Петра Никонова.

ISBN 978-5-44-908119-3

© Никонов П. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Глава III	26
Глава IV	37
Глава V	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Долгое путешествие Остросюжетный иронический мистический шпионский детективный путеводитель

Петр Викторович Никонов

Эта книга основана на реальных событиях. Из уважения и во избежание юридических проблем, некоторые имена и названия организаций изменены. Все достопримечательности, отели и рестораны, упомянутые в этой книге, существуют в действительности, однозначно заслуживают внимания и горячо рекомендуются Автором Читателю для посещения.

«И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь. Познал я, что нет ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей. И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем».

Книга Екклесиаста

*«Что ж, в конце концов,
Путь – вся цель гребцов, —
Вот, что нам открыли
Зимы с вёснами».*

Ансамбль «Иверия», «Арго»

Дизайнер обложки Юлия Никонова

© Петр Викторович Никонов, 2018

© Юлия Никонова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-8119-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

21 июля 2017 г.

Вена, Австрия

В итальянской церкви на Миноритенплатц никогда не бывает многолюдно. Сейчас же здесь, помимо меня, лишь пара туристов – судя по шепоту, русских. Вечереет, и, несмотря на то, что еще светло – лишь месяц прошел с летнего солнцестояния – улицы Вены почти опустели. Степенные венцы ложатся спать рано, и только молодежь да туристы бродят по улицам от Стефансплатц к Опере, от Оперы к Хофбургу, а от Хофбурга к Ратуше, оставляя итальянскую церковь, скрывшуюся в переулках где-то по правую руку, незамеченной.

А посмотреть здесь, между прочим, есть на что. И на само здание, с высокой, больше пятидесяти метров, колокольной, заложенное аж в 1276 году и законченное лишь без малого век спустя. И на высокие арочные своды, надежно поддерживаемые изящными готическими колоннами, похожими на связки волшебных растений. И на полноразмерную мозаичную копию «Тайной Вечери» Леонардо, мастерски исполненную Джакомо Рафаелли по заказу Наполеона, а потом не вместившуюся в венский Бельведер (всё-таки девять метров на четыре с половиной) и, таким образом, оказавшуюся здесь. И на монумент прославленного итальянского драматурга Пьетро Метастазия, в честь которого названа соседняя улица – Метастазиагассе. И на резную епископскую кафедру, словно элитарный скворечник прилепившуюся к колонне. И, наконец, на высокий, готически устремленный в небо алтарь из розового мрамора с иконой Девы Марии снегов, в честь которого церковь и получила свое официальное название – Итальянская национальная церковь Марии снегов.

Я сижу на массивной черной деревянной скамье, первой у алтаря, по правую руку от прохода. Задумчиво разглядываю алтарь, погруженный в свои мысли. Со стороны может показаться, что я молюсь, и именно так и думают туристы, смутившиеся от того, что нечаянно встали между мной и алтарем, пытаясь его сфотографировать. Я отвечаю легкой улыбкой. Знали бы они...

Парочка, осторожно ступая по мрамору – звуки в пустом каменном зале разносятся особенно громозвучно – торопится к выходу. Наверное, пойдут к ратуше: пить и веселиться. И это правильно: Вена – это город веселья, город имперский и столичный, пусть и утративший слегка свой утонченный аристократизм за последнее столетие. Я остаюсь один.

Через пару минут я слышу скрип двери, а затем шаги за спиной. Мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать, кто это. Эти шаги я знаю хорошо. Это именно тот, кого я жду. Он садится на скамью позади меня, старое дерево скрипит под его тяжелым телом. Молчит. Он знает, что я знаю, что это он. И он знает, что я знаю, что он это знает – какой бы тяжелой лингвистической конструкцией это положение не описывалось бы.

Вслушиваюсь в его тяжелое, немного хриплое дыхание. Принимаю. Что-то необычно. Интересно...

– Надо же, Франк! Нигерийка? – удивленно усмехаюсь, не оборачиваясь. – И что бы сказала об этом фрау Шенкенфельдер? Особенно о столь юном возрасте твоей любовницы?

– Она бы сказала, Пауль, – быстрый смешок, похожий на всхрюкивание, между двумя тяжелыми вдохами, – что мне стоило бы позвать и ее.

Ну, да, он прав. Фрау Шенкенфельдер, супруга почтенного инвестиционного банкира герра Франка Шенкенфельдера, именно такая. Вполне одобряет экзотические развлечения своего мужа и нередко в них участвует. Хотя раньше Пауль об этом так открыто не говорил.

– А ты-то откуда знаешь и про нигерийку, и про возраст? – без особого интереса спрашивает он.

– Работа такая – всё знать.

– Ну да, ну да, конечно.

– За это ты мне и платишь.

– Верно, – я слышу, как он достает бумажный платок из кармана, разворачивает его, вытирает запотевшее лицо. На улице жарко. – Так что давай ближе к делу, Пауль.

– Давай, – соглашаюсь я.

– Что тебе удалось узнать по Рихтер Индастрис?

– У Юргена Рихтера ничего нет. Реальный интерес к его компании только у Иммергрюн Банка. И то они колеблются. Решение еще не принято, и будет ли вообще сделано предложение – пока что пятьдесят на пятьдесят.

– Ты можешь повлиять на решение?

– Могу, конечно, – пожимаю плечами, – но тебе это не нужно.

– Почему?

– Иммергрюн готов дать только четыре миллиона, а Рихтеру нужно, минимум, шесть.

– Он говорит, что меньше, чем за десять долю не отдаст.

– Слушай его больше! Никто ему столько и близко не даст. Состояние Рихтер Индастрис ты не хуже меня знаешь. Дай ему шесть с половиной – и он будет твой и весь счастливый.

– А что Дойче и Райффайзен? – тяжело вздыхает. – Юрген всем рассказывает, что у них дикий интерес к его заводу, и что сделка, вроде как, почти подписана.

– Языком болтать – не мешки таскать, – я снова усмехаюсь. – Ни Дойче, ни Райф и близко к этой сделке не подойдут, слишком рискованно для них. Он с ними говорил, но уже давно. Они попросили бумаги, но давно решили не связываться ни с Юргеном, ни с его компанией.

– Хм, это ценная информация...

– И ты точно знаешь ее цену.

– Конечно.

Желтый пластиковый пакет из «Billa» с глухим стуком ложится на доску моей скамьи справа от меня. Я не пересчитываю, и так знаю, сколько там – сорок тысяч евро, двадцать пачек двадцаток. Франк знает, что стоит ему попытаться обмануть меня хоть на цент, и он меня больше никогда не увидит. А денег я ему приношу в сотни, если не тысячи, раз больше, чем он мне платит.

Мы не прощаемся. Я слышу, как он тяжело встает, скамья облегченно кряхтит. Но через секунду он снова садится обратно.

– Слушай, Пауль, – в его голосе задумчивость и нерешительность, несвойственно для него. – Кто же ты всё-таки такой? Ты пойми меня правильно... Ты ни разу за эти годы меня не подводил, и я помню, мы договаривались. Но я так не могу... Мне надо знать, с кем я веду дела. И я честно признаюсь тебе, я навел о тебе справки, прости. И... Слушай, ну у меня в голове не укладывается, что простой университетский профессор, ничем, извини, особо не выделяющийся, умудряется так много информации в самых разных индустриях доставать. И какой информации!..

Я, наконец, поворачиваюсь к нему. Несколько секунд смотрю в его серые глаза, на его круглое блестящее лицо, на его пшеничные усы, на красную лысину. Я знаю, о чем он думает – не перегнул ли он палку, не пошлю ли я его сейчас, не обижусь ли на то, что он за мной следил, вынюхивал, разузнавал, это ведь противоречит нашему давнему соглашению.

Я драматически выжидаю несколько секунд. Потом поправляю очки и улыбаюсь.

– Франк, если бы всё было так просто, и все стороны моей жизни были бы на виду, ты бы не платил мне такие деньги. Доброго вечера, герр Шенкенфельдер. Ты знаешь, как меня найти.

Он облегченно вздыхает, кивает, снова встает со скамьи, упершись в черную доску кулаком, и молча уходит по проходу.

– Франк! – мой голос звонко разносится по церкви, он оборачивается, улыбаясь. – Но если ты хочешь, чтобы я с моими друзьями и дальше тебе помогали, прекращай копаться в моей жизни. На первый раз я тебя прощу, но больше такого не будет.

Улыбка сползает с его лица. Он молча кивает, отворачивается и уходит, слегка ссутулившись.

Подождав минут пять после того, как за ним хлопнула тяжелая деревянная дверь, понаслаждавшись немножко тишиной в самом сердце шумного столичного города, встаю и я.

Я выхожу на Миноритенплатц. Жара спадает, и легкий ветерок приятно обдувает мое лицо, чуть шевеля мои уже поредевшие и совсем седые волосы. Подумав пару мгновений, я решаю прогуляться. Не так уж и часто мне удается просто пройти по улицам Вены, а люблю я этот город всей душой, как бы он ни менялся на протяжении моей долгой жизни.

Я обхожу церковь и сворачиваю на Ландхаусгассе. Думаю, не зайти ли мне в Кафе Централь полюбоваться его интерьерами. Любой путеводитель расскажет, что именно в этом кафе любили проводить время Петер Альтенберг, Альфред Адлер и даже Лев Троцкий. Однако правда в том, что того Централя уже давно, с конца Второй мировой, не существует, а нынешняя популярная кофейня открылась в 1975 году совсем в другом помещении. Впрочем, интерьеры там, и правда, замечательные, да и к кофе никаких претензий быть не может.

Поколебавшись, прохожу мимо стеклянных дверей, не поддавшись соблазну. Хочется гулять, пока еще не стемнело, а кофейня – это надолго. Сворачиваю на Вальтерштрассе, а с нее налево, на туристический магазинный Кольмаркт. И буквально через минуту оказываюсь у дверей замечательного магазина Хулиуса Майнла, с 1862 года удивлявшего венцев отменными деликатесами и изысканным убранством. Имперской столице – имперская роскошь.

Отсюда начинается Грабен – главная пешеходная улица Вены и, пожалуй, самое людное место в городе вообще. Шум и активность здесь так резко контрастируют с тишиной и пустыньностью прилегающих улочек и переулков, что я на несколько мгновений восхищенно замираю, наслаждаясь этим кружащим и затягивающим в себя, словно водоворот, потоком людей. А потом с радостью бросаюсь в этот водоворот сам.

Зимой на Грабене продают ёлки, а летом устраивают представления, экспозиции современных скульптур или просто выставляют столики кафе. Иногда здесь можно даже пальмы увидеть – каждый год всё по-разному. Интересно, как менялась сквозь века и сама улица – одна из старейших в Вене. Построенная на месте еще древнеримского оборонительного рва она до середины XIX века была площадью, а после глубокой перестройки превратилась в самую элегантную и самую дорогую улицу Вены. Собственно, ее современный вид возник как раз в это время.

Увлеченный потоком людей, я прохожу мимо фонтана Иосифа, мимо Чумной колонны XVII века, от которой прямо так и пышет барокко, а затем, оставив позади и фонтан Леопольда, попадаю на Стефансплатц – в наше время самую многолюдную площадь Вены, расположенную у собора, естественно, святого Стефана.

Он, конечно, впечатляет – и размерами, и готической красотой. Хотя он и моложе той же итальянской церкви, где я встречался сегодня с Франком. Интересна судьба собора во время Второй мировой войны. Он чудом не пострадал ни от бомбардировок, ни от артиллерийских обстрелов 1945-го года, ни от так и не выполненного плана уничтожения центра Вены отступавшими немецкими войсками. Однако местные венские мародеры подожгли разграбленные лавки, и огонь перекинулся на собор, причинив ему колоссальный ущерб и почти уничтожив. Восстановление храма завершилось только в 1960 году, и, по сути, сейчас это новодел, так как почти всё внутреннее убранство сгорело. Наверное, эта история может многое сказать о людях

и об их природе вообще, но мне не хочется в такой хороший вечер делать подобные заключения.

От Стефансплатц я по Картнерштрассе – еще одна туристическая улица с множеством сувенирных магазинов и даже с казино – прохожу параллельно маленькой площади Ньюер Маркт. Забавно, что эта скромная площадь, почти не замечаемая туристами, стала последним пристанищем величайших австрийских императоров. Именно здесь расположена крипта, где хранятся останки почти полутора сотен Габсбургов, правивших и Австрией, и Австро-Венгрией, и Священной Римской империей. Воистину, *sic transit gloria mundi*, как говорил (ну почти так) Фома Кемпийский.

У Оперы я сворачиваю на Филармоникер Штрассе и прохожу мимо знаменитой кофейни в отеле Захер, в которую как всегда очередь желающих попробовать не менее знаменитый одноименный торт. А вот венцы и бывалые туристы знают, что расположенное за углом кафе Моцарт гораздо интереснее, и фирменные торты там вкуснее, а вот очереди бывают редко.

Снова с трудом подавляю желание зайти в кафе. Для моего тела со всем его возрастом столько сладкого перед сном, мягко говоря, не полезно. Франк прав, Пауля Штайнера весьма затруднительно принять за промышленного шпиона. Пожилой профессор факультета истории Венского университета совсем не похож на Джеймса Бонда. Скромный, тихий человек, увлеченный своими исследованиями древних аварских, славянских и кельтских поселений на территории Вены, всю жизнь мечтавший доказать, что город возник еще до прихода сюда римлян. Увы, современные археологические исследования разбили всю надежду на это. Семьи нет, детей нет, была любовь – но это было так давно, что почти забылось. Уважаем коллегами и студентами, но далеко не душа компании. Скорее забавный чудака, который никому не мешает, но и никому не нужен. Скоро пенсия, одинокие прогулки и тихая смерть в одиночестве пустой квартиры.

И лишь иногда в жизни Пауля Штайнера случаются странные вечера – такие, как сегодняшний. Вечера, когда он становится совсем другим Паулем Штайнером, тем Паулем Штайнером, которого знает Франк Шенкенфельдер и кучка других клиентов, из тех, кто привык считать Картье и Ролекс скучными дешевками, «потому что они есть у всех». Тем Паулем Штайнером, который хранит в своей голове темные и не очень секреты крупнейших корпораций и политических кланов. Тем, кто с легкостью способен найти ответ на самый сложный вопрос и решить самую сложную задачу. За совершенно нескромную плату, конечно.

Вот только он сам никогда об этих вечерах не вспоминает. Не потому, что они ему не нравятся. Просто Пауль Штайнер ничего о них не помнит. Просто иногда некоторые часы его жизни полностью выпадают из его памяти. И это его очень беспокоит, поскольку он начинает подозревать приближение болезни Альцгеймера. Он даже ходил проверяться, сдавал анализы – ничего плохого не нашлось, но он всё равно переживает. Еще больше его беспокоит то, что после таких вечеров, о которых он ничего не помнит, он обнаруживает у себя в квартире, или в кармане одежды, или просто в выписке банковского счета неизвестные ему деньги. Суммы, значительно меньшие, чем платят промышленному шпиону Паулю Штайнеру его клиенты, но значительно большие, чем получает профессор истории Пауль Штайнер за свои лекции. Бедный профессор всерьез обеспокоен – не совершает ли он в моменты забытья чего-либо такого, что может нанести непоправимый вред его безупречной и оттого чрезвычайно скучной репутации.

Августинерштрассе переходит в Йозефплатц, а затем в Рейтшульгассе. Она же мимо галереи Сталлбург XVI века и сувенирных магазинчиков с футболками с надписями типа «В Австрии нет кенгуру»¹ приводит меня на Михаэлерплатц, удивительным образом объ-

¹ «No kangaroos in Austria» является популярной среди туристических сувениров фразой, высмеивающей нередкую пута-

единившую древность римских развалин, превращенных тут в музей под открытым небом, с барочной помпезностью расцвета Империи – императорским дворцом Хофбург, украшенным парными классическими колоннами и мощными статуями на сюжеты античных мифов. И, несмотря на некоторую перегруженность украшениями, характерную, впрочем, для всей архитектуры барокко, именно в Вене это смотрится к месту. Всё-таки это город красоты, роскоши, шика и тортиков. Вот всё это примерно и отражено в действительно величественном Хофбурге, равно как, пусть и в чуть меньшей мере, в другом императорском дворце – Шёнбрунне.

Потихоньку начинает темнеть, и я вдоль стены дворца прохожу по Щофлергассе к Народному саду, тем самым практически завершая круг – вот она, Итальянская церковь, справа за домами.

Я люблю Народный сад, Вольксгартен. Одно из моих любимейших мест в Вене. Когда-то здесь была крепость, построенная в самом конце XVI века, а затем, в следующем веке к ней пристроили дополнительные фортификационные сооружения. Но судьба непредсказуема – и меньше чем через сто лет после достройки укреплений, в 1809 году, солдаты Наполеона сравнивали эту крепость с землей. Вероятно, пустырь в самом центре имперской столицы не слишком радовал ни горожан, ни императора. И в 1821 году было начато, а в 1823 – закончено строительство этого замечательного, и что важно – открытого для простого народа (редкость по тем временам), сада.

Я прохожу по аллее, оставляя справа, за деревьями античное здание – уменьшенную копию афинского храма Гефеста – построенное в 1821 году и отреставрированное совсем недавно. Я выхожу к розарию, и мой чуткий нос с наслаждением вдыхает сладкие и пряные ароматы, доносящиеся от клумб, на которых растут более трех тысяч роз.

Оставляю где-то справа довольно гармоничный памятник всенародному венскому фетишу – императрице Элизабет, она же Сисси. Вообще, Сисси – это чуть ли не главная туристическая достопримечательность Вены, ее туристический бренд, даже сильнее Захера. Куда вы не пойдете – на вас будет смотреть своим внимательным взглядом Сисси. Ее портреты на кружках, на футболках, на магнитиках, на пазлах, на календарях, просто на стенах домов. В Хофбурге и в Шёнбрунне вам обязательно расскажут о Сисси, покажут ее гимнастические снаряды, поведают о тяжелой жизни императрицы с нелюбимым мужем и о ее трагической смерти. Нет, я понимаю, женщина она была красивая, и судьба ее тоже была не то, чтобы легкой. Но по сравнению с жизнью миллионов крестьян ее же собственной империи, ее жизнь, жизнь Императрицы, была просто настолько роскошной, что без преувеличения казалась всем райской, в человеческом понимании рая, конечно. Всем, кроме самой Сисси, страдавшей от своей невыносимо тяжелой жизни и пребывающей в постоянной депрессии, чем она чрезвычайно печалила своего мужа – императора Франца Иосифа. Который, кстати, любил ее всё душой, да и императором был, честно говоря, неплохим, пусть и привел свою страну к участию в Первой мировой войне в итоге. Впрочем, это была не совсем его (а точнее, совсем не его) вина. Хм, и вот здесь я отвлекаюсь. Простите. Для меня это дело, прямо скажем, личное.

А я, тем временем, перехожу Рингштрассе и попадаю в одно из самых веселых мест Вены – на ратушную площадь. Сама Ратуша видна издалека. Высокая башня готического здания делает его похожим на замок сказочной принцессы. Так и кажется, что вот-вот откуда-то из-за него выплывет, неторопливо взмахивая кожистыми крыльями, дракон. Или, на худой конец, из окошка в башне выпадет, в ожидании принца, длинная коса Рапунцель (сама сказка о которой, кстати, весьма мрачная – там есть и злая колдунья, и продажа дочери за миску салата, и ослепление принца, и отстригание косы – вполне типично, впрочем, для братьев Гримм – в диснеевской версии острые моменты, как водится, сгладили).

Ратуша выглядит как квинтэссенция средневековья, однако построена она всего лишь чуть больше ста тридцати лет назад – в период повального европейского увлечения нео-готикой. Построена, надо сказать, мастерски.

А на ратушной площади почти постоянно устраиваются какие-нибудь ярмарки и увеселения. Зимой здесь рождественская ярмарка, осенью наливают штурм – австрийское юное вино, а летом, как сейчас, устраивают кулинарные, театральные или кинематографические фестивали.

Играет музыка, горят разноцветные фонари, люди со счастливыми улыбками на лице кочуют от одного деревянного домика к другому, пробуя разнообразные напитки и яства. Я всё-таки не удерживаюсь, и покупаю стакан сангрии. Плохо мне от этого не станет, а вот удовольствие получу. Ну, просто грех пройти через это веселье и ни в чем к нему не присоединиться. А я в грехах знаю толк, поверьте.

Я обхожу Ратушу справа и сразу же, как по волшебству, попадаю в царство тишины и пустоты. Уже почти совсем стемнело, и улицы пустынные. Редкие машины – в основном, такси. Я углубляюсь в Вену центральную, важную и недешевую, но практически не известную туристам. Здесь люди живут, сюда они приходят и приезжают работать или, скажем, зайти в художественный магазинчик или танцевальную студию. Но сюда обычно не приходят, чтобы просто посмотреть. Лишь редкие туристы, действительно влюбленные в этот город.

Я уже почти рядом с домом. Я прохожу четыре квартала по Флорианигассе и сворачиваю направо, на Ланге Гассе. А отсюда совсем недалеко и до светло-серого шестиэтажного дома с двойным эркером, балконом и рустованным по всей высоте фасадом. В общем, типичный европейский жилой дом конца XIX – начала XX века. Такие дома можно встретить и в Париже, и в Мюнхене, и в Москве, и здесь, в Вене. Я ни в коем случае не хочу сказать, что дом некрасивый, или что архитектура недостаточно хороша. Напротив, он прекрасен и чудесно вписывается в городской ландшафт любой столицы.

Когда-то давно в этом доме жил Курт Гёдель, гениальный математик с трудной судьбой, один из величайших мыслителей прошлого века. Мне довелось пообщаться с ним когда-то давно, в 1970-х, незадолго до его смерти, в Принстоне. Он тогда жил уже совсем глубоко в каком-то собственном мире. Психическая болезнь прогрессировала, но где-то глубоко в нем всё так же существовал и блистал гений, бывший когда-то близким другом Альберта Эйнштейна. Пауль Штайнер тоже живет в этом доме, пусть и не на том этаже, где когда-то жил Гёдель.

Я поднимаюсь по лестнице, задержавшись у одного из окон. Достав из желтого пакета пару пачек денег, я кладу их в карманы брюк, а пакет сворачиваю и прячу под подоконником. Затем поднимаюсь вверх. Гремя ключами, с трудом открываю замок (давно пора бы поменять или починить), и, проскользнув в коричневую деревянную дверь, плотно закрываю ее за собой.

Прохожу в гостиную, сажусь в мягкое кресло. Расслабляюсь. Закрываю глаза. И покидаю тело профессора Пауля Штайнера.

Оглянувшись на дремлющего профессора, подхожу к стене. Когда Пауль проснется, он опять не будет помнить ничего о том, как он провел вечер. Пора оставить профессора в покое. Я использую его уже довольно долгое время, а в моем деле это небезопасно. Кто-то может решить покончить с ним за какую-то сделку, расстроенную или, напротив, организованную мной. Пора немного пополнить пенсионный счет профессора Штайнера и навсегда с ним расстаться.

Приняв это решение, я прохожу сквозь стену в соседнюю квартиру. Хельга Майер рано встает и рано ложится. Она уже спит, и я несколько минут просто стою рядом с ее кроватью,

любую ее каштановыми волосами, раскинувшимися по белой наволочке. Потом приближаюсь и вхожу в ее тело.

Я просыпаюсь и сажусь в кровати. Сон был коротким, и я чувствую, что тело Хельги требует отдыха, но мне нужно отправляться Мюнхен. Завтра там важная встреча. Поэтому я встаю, иду в душ, чтобы быстрее проснуться, завариваю кофе и одеваюсь.

Я нечасто использую Хельгу в качестве своего носителя. Она молодая красивая добрая женщина и мне не хочется случайно подставить ее под удар. За всё это время я потерял не одного и не десять носителей, гораздо больше. Для них смерть конечна.

Хельге Майер тридцать лет. Она учительница начальных классов. Типичная отличница, умница в детстве, послушная дочь авторитарных и религиозных родителей. И пусть к самой религии у Хельги сложилось весьма скептическое отношение, постоянные запреты и запугивания, в совокупности с желанием постоянно доказывать родителям, что она хорошая, привели к тому, что Хельга подсознательно наложилась на себя кучу ограничений и запретов, приводящих ее к одинокой и довольно несчастливой жизни.

Здесь было бы в чем покопаться еще одному знаменитому жителю Вены, Зигмунду Фрейду. Но я не он, поэтому психоанализом Хельги я никогда не занимался. Однако мне всегда было немного жалко эту красивую и умную, но чрезвычайно зажатую девушку, поэтому время от времени я устраивал ей сеансы расслабления, отправляясь в ее теле весело отдыхать в бары и клубы, а затем и в постели красивых молодых мужчин (и, пару раз, девушек). В отличие от Пауля Штайнера, часть воспоминаний Хельге я сохранял.

Поначалу это ее ужасало, и она считала, что страдает некой формой диссоциативного расстройства идентичности. Проще говоря, раздвоением личности. Но к врачам она обращаться стеснялась. Со временем (не без моей небольшой помощи), она приняла происходящее с ней как данность, а я стал замечать, что она стала чуть более раскрепощенной, свободной и уверенной в себе, осознавая в себе привлекательную и самостоятельную женскую личность.

При этом, она по-прежнему осталась замечательным детским педагогом, которую любили и ценили и дети, и их родители, и ее собственные коллеги. Хотя, возможно, кто-то из пуритан (да хоть родители самой Хельги) пришел бы в ужас, узнав о том, как эта молодая учительница проводит иногда ночи.

У меня не было цели развратить фройлян Майер или привить ей какого-либо рода сексуальную распушенность или зависимость. Я всего лишь хотел дать ей что-то в благодарность за то, что она иногда была моим временным носителем. Конечно, я тайно давал ей деньги, как и Паулю. Но я честно был очарован ей, и мне хотелось дать ей что-то большее, чем деньги. Я хотел избавить ее от того, что было так неосторожно заложено в ее сознании ее родителями (и ей самой) в прошлом, и что мешало ей жить в настоящем и в будущем. Я не мог уже исправить жизнь Пауля, но я мог помочь Хельге не совершить те же ошибки, которые когда-то совершил Пауль. Я не хотел, чтобы эта прекрасная женщина закончила бы свою жизнь одна в этой квартире, несчастная и забытая. Она заслуживала большего. И, похоже, мои методы сработали. Я заглянул в память Хельги и увидел, что у нее появился друг, с которым она всё больше сближалась. Они были знакомы давно, но раньше она слишком стеснялась его, а он, кажется, считал ее неприступным синим чулком. Хельга, благодаря мне, изменилась, и так же изменилось и ее поведение, и ее восприятие другими.

Ну, и прекрасно. Похоже, скоро и с Хельгой я распрощаюсь. Но не сегодня. Еще одну вещь она должна для меня сделать – доставить меня сегодня в Мюнхен.

Я одеваюсь – просто, ничего вызывающего сегодня, джинсы, футболка. Кидаю в сумку пару смен белья. Беру ключи от машины, запираю дверь и спускаюсь по лестнице. Задержива-

юсь у знакомого подоконника, забираю желтый пакет с деньгами. Надо будет завтра в Мюнхене зайти в несколько банков и кинуть их на счета. Понемногу, чтобы не привлекать внимание.

Я выхожу на улицу, нахожу свой Рено, завожу двигатель и аккуратно выруливаю на Ланге Гассе, а затем и на Алзер Штрассе. До Мюнхена мне ехать около четырех с половиной часов по трассе А1, она же Е60.

Я делаю радио громче и открываю окно. Теплый вечерний летний воздух тербит мои волосы. Я останавливаюсь на светофоре. Проходящая пожилая пара неодобрительно смотрит на меня, осуждая и мою громкую музыку, и мой счастливый вид, и мою молодость. Зеленый свет – и я, вдавив газ, с ревом уношусь в ночь. Я улыбаюсь.

И, пока я еду в Мюнхен, пожалуй, самое время представиться.

Меня зовут Гэбби, и я архангел.

Мда, прозвучало примерно как приветствие на встрече анонимных алкоголиков. Ну, знаете – «Меня зовут Джон, и я алкоголик». Что ж, из песни слов не выкинешь, и какими бы ни были ассоциации, просто приветствие самое правильное.

Итак, меня зовут Гэбби, и я архангел.

Ну, на самом деле мое полное имя несколько длиннее – Гэбриел, Гавриил, Джибриль, а на моем родном языке вообще невыговариваемое. И да, я на самом деле архангел.

Тот самый. Божественный вестник. Ну, помните – «Радуйся, Мария, ты беременна» и всё такое. Впрочем, помимо утилитарной функции говорящего теста на беременность у меня есть (точнее были) еще гораздо более серьезные задачи. Я приносил людям Его мудрость, я управлял армиями ангелов, я был стражем мира, и я, в конце концов, ангел смерти. Многие верят, что за праведниками я прихожу с неимоверно острым ножом, избавляя их от мирских страданий, а вот грешники получают от меня медленное и мучительное благословение тупым и зазубренным кинжалом.

И чего только люди не придумают.

Что-то из этого действительно имело место. Однако это было очень давно. Настолько давно, что даже я сам это почти позабыл, а память у меня почти идеальная.

Чуть больше ста лет назад я имел смелость не согласиться с решением моего Отца и моих братьев относительно будущего человечества. Мои братья употребили бы, правда, выражение «имел глупость» или «имел наглость», особенно Михаил, он у нас правильный во всём.

Если говорить коротко, то я всегда любил людей и старался им помогать. Естественно, меня совсем не вдохновляла перспектива гибели ста миллионов человек в общемировой войне, которая формально началась выстрелом в Сараево, а фактически зародилась задолго до этого². Увы, мне не удалось предотвратить эту катастрофу полностью, однако вместо ста миллионов, с жизнью и с будущим расстались в пять раз меньше людей. Тоже колоссальная, страшная цифра, но лучше, чем могло быть.

Возможно, я чего-то не понимал в Его замысле. Возможно, Он был прав, а я не прав. Но масштаб катастрофы настолько поразил меня, что я просто не мог согласиться. Я не имел ни сил, ни глупости для того, чтобы восстать напрямую, но я сделал всё, что мог, чтобы уменьшить последствия.

Естественно, это не могло остаться незамеченным и безнаказанным.

Меня приговорили к ссылке на Землю на сто лет. Мой срок должен был бы закончиться пару лет назад, однако, я имел смелость (глупость, наглость) вновь воспротивиться воле моего Отца и братьев несколько десятилетий спустя в очередном великом замысле, приведшем к очередной глобальной катастрофе³. Находясь среди людей, я стал лучше понимать их, и смог дей-

² Речь идет, конечно же, о Первой Мировой войне.

³ Соответственно, Вторая Мировая война.

ствительно сделать многое. Увы, слишком мало – пролившиеся реки крови хоть и не затопили всю планету, но навсегда изменили ее облик. Ну, хотя бы появление ядерного оружия у фашистов мне удалось предотвратить – это было бы совершенным несчастьем.

Тем не менее, я снова был замечен и наказан. Плюс сто лет ссылки. Так что в Абсолют я вернусь не раньше чем через девяносто восемь лет. И то, если не совершу очередную смелость (глупость, наглость) и не получу еще сотню. Что, увy, вполне вероятно.

Мои способности на Земле сильно ограничены. Я, естественно, сохранил бессмертие, однако я не могу летать или мгновенно перемещаться с места на место, как другие архангелы. Не могу напрямую влиять на людей на расстоянии, не обладаю всезнанием или всемогуществом. И даже не могу материализовывать свое собственное тело, являясь людям во плоти.

Единственная «суперспособность», которая у меня есть (помимо бессмертия) – я могу вселяться в тела других людей. А вселившись, могу читать и немного подправлять память своего носителя и управлять его действиями, чувствуя всё, что чувствует мой носитель. Это, порой, довольно приятно, если речь идет, скажем, об алкоголе или оргазмах. Однако если моего носителя убивают, я по полной чувствую его боль, смерть и все связанные с этим ощущения. Поэтому, если гибель носителя неизбежна, я стараюсь покинуть его тело до момента его смерти.

Еще одним ограничением является то, что я не могу всё время скакать из одного носителя в другого. Максимум, два-три носителя подряд. Потом я устаю и просто не могу войти в нового носителя. Есть исключения. Скажем, в того носителя, в которого я уже заселялся, заново входить проще, но это частности.

Еще я могу в своем бестелесном состоянии проходить сквозь стены, но скорость моего передвижения значительно медленнее человеческой.

Вероятно, мои братья решили, что если уж так я люблю человечество, то пусть на своей шкуре полностью ощушу и прочувствую, что такое «быть человеком». Пусть узнаю людей во всех их проявлениях и грехах и окончательно разочаруюсь в них, как в тех, кто не идет ни в какое сравнение с ангелами и архангелами. Они ошиблись.

Да, я узнал людей гораздо лучше. Да, многое в них меня разочаровало. Но я не разочаровался в людях в целом. Меня поражало и восхищало, и поражает и восхищает до сих пор, как много люди смогли сделать, изобрести и сотворить со всеми их ограниченными способностями. Со всеми их страстями и страданиями. Со всеми их войнами и ненавистью. Насколько они прекрасны, несмотря ни на что, вопреки всему.

Я люблю людей и восхищаюсь ими. При этом я знаю о них многое – и хорошее и плохое, поэтому я никогда не смотрю на человечество сквозь розовые очки. Мой взгляд спокоен, ясен и во многом циничен, особенно относительно некоторых людей. Я же могу их наблюдать не только со стороны, но и изнутри. Но в то же время, в целом, мой взгляд – это взгляд восхищения тем, как прекрасны люди и как прекрасен мир, создаваемый ими.

В определенный момент мне стало скучно. Сначала я боролся с одной войной, потом с другой, потом с ее последствиями, одновременно предотвращая (в целом, успешно) третью войну. А потом острота глобальных проблем снизилась, и я заскучал. Мне не хватало тайн, секретов, расследований. И я, по совету одного из своих друзей, занялся промышленным шпионажем.

Не ради денег, хотя мои услуги стоят дорого, а порой и запредельно дорого. Но деньги для меня лишь материальное воплощение второстепенной награды. Настоящая награда – тайны, которые я раскрываю. И которые, порой, удивляют даже меня, вечно живущего.

За это время я обзавелся кругом постоянных клиентов, знакомых, друзей. Очень мало кто из них, единицы, знают, кто я на самом деле такой. Остальные думают, что имеют дело или с гениальным шпионом-одиночкой или с глубоко законспирированной международной тайной организацией. Что ж, это тоже игра, и игра невероятно интересная.

Я еду в Мюнхен, чтобы продолжить эту игру. Я еду в Мюнхен, чтобы встретиться с одним из своих постоянных клиентов, который, похоже, угодил в какую-то передрагу. Уж больно нервное письмо он мне прислал с просьбой о встрече. Что ж, посмотрим.

Я выезжаю из города на автостраду, закрываю окно, добавляю газ и стремительно лечу на запад – к новому раунду своей игры и к новым приключениям.

Глава II

22 июля 2017 г.

Мюнхен, Германия

Мюнхен – вкусный город. Вкусный во всех значениях и отношениях. Здесь аппетитная архитектура, приятное времяпровождение, шикарные возможности для бизнеса, великая история, сытнейшие завтраки, обеды и ужины и, конечно, непревзойденное, потрясающе вкусное пиво. Сюда приезжают есть, пить, гулять, наслаждаться и делать деньги.

Мой нынешний визит сюда, по сути, имеет именно эти цели. Я встречаюсь с Вальтером Шнайдером, владельцем небольшого инвестиционного банка и компании, управляющей активами нескольких обеспеченных семей из Восточной Европы. Нельзя сказать, что мы близкие друзья с Вальтером. Видимся мы с ним редко, больше общаемся по электронной почте. Но он человек приятный и умный – мне нравится с ним встречаться, к тому же он дает интересные задачи и хорошо платит. Правда, он считает, что имеет дело с целой тайной организацией, поскольку каждый раз к нему на встречу приходят разные люди. Кто я такой на самом деле, ему неизвестно.

Ну, и, естественно, я не собираюсь упускать момент отведать пшеничного пива, белых колбасок с горчицей и претцелей, пусть это слегка и отразится на прекрасной фигуре Хельги Майер. Гулять – так гулять.

Как всегда в Мюнхене, я останавливаюсь в отеле Платцль на одноименной площади. Прекрасные комнаты и обслуживание по вполне разумным ценам, к тому же в самом сердце города – близко от всего самого интересного. К тому же, здание с историей, я люблю такие. А какие здесь завтраки! Только ради них стоит здесь остановиться хотя бы на пару ночей.

Я приезжаю глубокой ночью, но моя комната оплачена и готова. Паркуюсь на узкой подземной парковке – тот еще аттракцион даже для моей маленькой машинки – и поднимаюсь в лобби. Немного сонный, но крайне доброжелательный портье пылает желанием помочь мне с багажом и даже искренне расстраивается, что у меня его с собой нет. Я поднимаюсь в комнату и буквально падаю на кровать. Пусть у меня и бессмертная душа, но я испытываю всё, что испытывает тело Хельги. А оно испытывает усталость после почти пяти часов ночной поездки. Засыпаю.

Просыпаюсь, однако, рано, нет еще и половины восьмого. Может, стоило бы поспать еще, но до встречи с Вальтером мне хотелось бы прогуляться по городу. Быстро принимаю душ и спускаюсь вниз, в ресторан. Позавтракав белыми колбасками, салатами, сыром, колбасой, претцельками и даже перехватив пару бокалов шампанского (пожалуй, стоит стереть воспоминание об этом из памяти Хельги, чтобы не вызывать у нее угрызений совести – она придерживается какой-то очередной модной диеты), я выхожу на улицу.

Огибаю здание и оказываюсь на площади Платцль, давшей название отелю. Здесь пока тихо, но скоро станет очень многолюдно – на сложившейся еще в XVIII веке площади расположены два крупнейших туристических магнита – ресторан Хофбройхаус и Хард Рок Кафе. Не могу ничего сказать плохого про Хард Рок, порой посещаю их с большим удовольствием в разных городах. Однако здесь, в Мюнхене, мне совершенно непонятно, как можно в здравом уме и твердой памяти предпочесть Хард Рок Кафе тому же Хофбройхаусу или соседним Виртсхаус Айнгерс, Щухбекс или Фистермюлле, не говоря уже о тысячах иных прекрасных и харизматичнейших ресторанчиках, разбросанных по центру города.

Я не побоюсь сказать, что Хофбройхаус является главнейшей туристической достопримечательностью Мюнхена (простите, соборы и парки). Даже если вы не пьете пива, быть в Мюн-

хене и не побывать в Хофброе – это преступление против вашей туристической памяти. Миллионы людей со всего мира съезжаются в Мюнхен осенью на Октоберфест (и оно того стоит, несмотря на толпы и дороговизну), но в Хофбройхаусе Октоберфест не прекращается круглогодично. Здесь, за общими столами и на общих деревянных скамьях стираются и национальные, и классовые различия (что отмечала еще Надежда Крупская). Со времен открытия заведения для широкой публике (в 1828 году, а сама пивоварня здесь появилась аж в 1607, как придворная пивоварня баварских герцогов) здесь побывали миллионы людей, включая Моцарта, императрицу Елизавету (ту самую императрицу Сиси, о которой я вчера вспоминал в Вене), Адольфа Гитлера и даже Владимира Ленина. К части «темной истории» Хофбройхауса можно отнести то, что здесь, за многочисленными литровыми кружками пива, зародилась и русская большевистская революция, и нацистская партия – вся история жестокой перекройки мира XX века началась отсюда. Интересно, встречались ли здесь друг с другом Ленин и Гитлер? Теоретически, вполне могли, они оба часто бывали здесь в начале XX века. Впрочем, это лишь небольшие темные эпизоды из истории Хофбройхауса, а история, какой бы она ни была, всегда заслуживает интереса и изучения. От первоначального помещения после перестройки 1897 года, бомбежек 1944—1945 годов и реконструкции 1958 года осталось немного, но ведь дело же не в этом, правда? Это всё тот же старый добрый Хофбройхаус со всей его неповторимой атмосферой.

Разное видели эти стены, и хорошего, и не очень, но в целом, посещение Хофбройхауса – это как прикосновение к миру вечной радости. Вероятно, викинги раннего средневековья, представляя себе желанную Валгаллу, рай для праведных воинов, рисовали в своем воображении что-то именно такое. Чудесное пиво, вкусная и сытная еда, общее веселье и радость, разделяемые с друзьями за общими столами, и вечный праздник. По любому лучше, чем скучный райский сад в представлении художников эпохи Возрождения.

Однако сейчас я оставляю Хофбройхаус за спиной. Слишком рано и слишком много дел. Может быть, загляну сюда потом, после встречи с Вальтером, если его задание будет не слишком срочным. Надо же Хельге Майер развлекаться, в конце концов.

Я прохожу пару кварталов по Шпаркасенштрассе и оказываюсь у Старой ратуши – белого здания с арками на первом этаже и высокой башней, в которой расположен отличный музей игрушек. Со времени своего строительства в начале XIV века и ратушу, и башню перестраивали много раз – в готическом, ренессансном, а потом снова в нео-готическом стиле.

Шпаркенштрассе уходит дальше вперед, к знаменитому мюнхенскому рынку Виктуалиенмаркт, открытому здесь в 1807 году вместо старого рынка, который уже не помещался на Мариенплатц. Первоначально рынок назывался Грюнермаркт, то есть Зеленый рынок, но в XIX век немецкая буржуазия заразилась модой использовать латинские слова вместо немецких, что и привело к новому названию, происходящему от слова *victus* – означающего «продукт» или «запас». Приятное место и для того, чтобы просто побродить и посмотреть на товары, и для того, чтобы перекусить или закупиться сувенирами, выходящими за рамки ассортимента стандартных сувенирных магазинов.

А я сворачиваю направо и мимо памятника Джульете с многократно облапанной на счастье правой грудью, блестящей золотом на фоне покрытой патиной бронзы остального тела шекспировской героини (она печальна – то ли от своей несчастной судьбы, то ли от бесцеремонного обращения), прохожу сквозь арку в башне Старой ратуши и попадаю на вечно шумную и многолюдную главную площадь Мюнхена – Мариенплатц.

Мариенплатц – площадь живая. Здесь постоянно что-то происходит и меняется. Летом выставляются столики кафе и, порой, площадь превращается в огромный биргартен. Здесь проводятся концерты, а зимой устраивают рождественские ярмарки. Главное здание площади – неоготическая Новая ратуша – подозрительно напоминает бывалым туристам здание

ратуши в Вене и такое же здание в Брюсселе. Сходство не случайно. Помимо причастности к чрезвычайно популярной в архитектуре конца XIX века неоготики, венская и брюссельская ратуши послужили прямыми моделями для построенной в 1867—1908 годах мюнхенской Новой ратуши, а архитектор Новой ратуши Георг фон Хауберриссер был учеником барона Фридриха фон Шмидта, который и построил ту самую чудесную ратушу в Вене. Как бы то ни было, но все три здания – и в Вене, и в Брюсселе, и в Мюнхене – до сих пор поражают воображение своей сказочностью, легкостью и воздушностью, несмотря на гигантские размеры. Хотя здание Ратуши здесь, на Мариенплац, честно говоря, не мешало бы подреставрировать – уж больно оно почернело от времени.

Собственно, весь Мюнхен пошел примерно отсюда. Самым первым поселением здесь, еще в VIII веке было поселение монахов на холме Петра. Церковь Святого Петра, ныне расположенная на том самом месте, отделена от Мариенплац лишь одной линией домов, а ее высокая колокольня прекрасно видна с самой площади. Колокольня эта интересна тем, что может свести с ума перфекциониста: расположенные под звонницей циферблаты часов не симметричны. Циферблат на широкой части башни сдвинут в левую сторону относительно центра, а часы на узкой части колокольни ощутимо смещены вниз по отношению к циферблату на широкой части. История самого храма сложна и мучительна. Первый храм здесь был построен в том же XVIII веке, потом храмы неоднократно сносились и перестраивались. Можно считать, что нынешнее здание было построено в 1284 году, но оно много раз горело, восстанавливалось и перестраивалось, не говоря уже о страшных бомбардировках Второй мировой, в которых пострадали почти все здания Мюнхена, и погибла четверть его жителей. Как бы то ни было, церковь Святого Петра в любом случае можно считать и старейшим зданием города, и местом, где зародился этот ныне огромный, богатый, веселый и, помним, вкусный мегаполис.

Прежде чем отправиться на встречу с Вальтером, я захожу в несколько банков: на самой Мариенплац, на Фарберграбен и, наконец, на Фрауэнплац, напротив еще одной достопримечательности Мюнхена, одной из самых узнаваемых – Фрауэнкирхе.

Этот собор, самый высокий в городе – 109 метров, стал одним из самых узнаваемых зданий столицы Баварии. Возьмите любую туристическую открытку из Мюнхена, и он там будет со своими двумя куполами маковок колоколен-близнецов. Исполински огромное здание, способное вместить двести тысяч стоящих людей, было построено, не считая башен, всего за двадцать лет – с 1468 по 1479 годы. Башни колоколен были возведены к 1488 году и первоначально должны были венчаться легкими, устремленными вверх классическими готическими сводами. Однако они так и не были построены по банальной причине – закончились деньги. Несколько десятилетий здание так и простояло незаконченным, но, наконец, местным жителям надоело, что дождь протекает внутрь храма сквозь незавершенные башни, и они решили установить временные крыши на колокольнях. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, и именно в таком виде, с необычными маковками башен, это здание и стало символом Мюнхена.

Об этом храме ходит множество легенд. Например, о том, что архитектор заключил договор с Дьяволом по которому Дьявол обещал помочь со строительством, если в здании не будет окон. И действительно, с определенных ракурсов кажется, что в здании окон нет, они скрываются за колоннами. Когда же здание было закончено, и Дьявол его посетил, он понял, что его обманули. Тогда он в сердцах топнул ногой, оставив сохранившийся и поныне отпечаток ноги на каменной плите пола, и сбежал, а его недовольство превратилось в суровый ветер, постоянно дующий вокруг Фрауэнкирхе.

Я, наконец, завершаю свои финансовые дела. Если отправлять небольшие суммы из разных мест – это не привлекает внимания, чем я и пользуюсь. Немного оставляю и моей носи-

тельнице Хельге. Деньги учительнице не помешают, а наши с ней пути после этого дня вряд ли скоро пересекутся.

Вообще, как вы понимаете, я не испытываю особой потребности в деньгах. Ангелом в их нематериальном воплощении материальные блага не нужны вовсе, а если мне захочется пожить роскошной жизнью и вкусить всех преимуществ, которые она дает, я могу просто вселиться в тело какого-нибудь миллиардера, что я, порой, если честно, и делаю. Более того, путешествуя из тела в тело, я могу просто перевести на свои тайные счета часть денег своих носителей, просто заставив их подписать документы или нажать кнопку в онлайн-банке. За пару часов, проведенных в VIP-ложе Формулы-1 или Эпсомского Дерби, посетив двоих-троих носителей, я мог бы собрать несколько миллиардов на своих банковских счетах. Но это скучно.

Деньги для меня являются условным эквивалентом сложности задачи. Некой условной наградой, которая мне самому не нужна, но без которой у моих клиентов не будет заинтересованности. Для того, чтобы понять, что мои услуги им нужны, и чтобы давать мне истинно интересные поручения, которых я жажду, им нужно мне платить, и платить много.

Парадокс, люди не любят расставаться с деньгами, но при этом абсолютно не ценят то, что им достается даром. Это знает любой хороший продавец: предложи человеку что-то бесплатно, и он или не захочет это взять, или возьмет и забудет. Именно поэтому, скажем, бесплатное обучение или бесплатные консультации не эффективны – люди не видят ценности в том, за что они не заплатили. Но заставь человека заплатить за что-то деньги, особенно большие деньги, а еще лучше – заставь его, помимо этого, участвовать в некоем конкурсе за право обладания желаемой вещью, и он будет страстно желать эту вещь, независимо от своей реальной потребности в ней. Люди ценят только то, что им достается тяжело. Поэтому моим клиентам приходится не только много платить, работая со мной, но и доказывать, что мне должны быть интересны их поручения. Я могу работать вообще бесплатно, но как только я начну это делать, уровень моих задач упадет до поиска потерявшихся собак или выявления неверных жен.

Нет, если ты хочешь играть в высшей лиге, получать лучшие и интереснейшие задания, ты должен брать за свои услуги очень дорого, потому что именно эта парадигма соответствует опыту тех людей, которые дают тебе такие задания. Они прекрасно знают, что ничто действительно хорошее не дается дешево – этому их научили годы собственного жизненного и делового опыта.

Я возвращаюсь к Новой ратуше и сворачиваю налево на Вайнштрассе. Моя встреча с Вальтером назначена у Китайской Пагоды в Английском саду, и до нее мне идти примерно полчаса. Как раз успею к назначенному времени встречи.

Я прохожу мимо Мариенхоф. До войны здесь был средневековый жилой квартал, но он был разбомблен 18 декабря 1944 года. С тех пор, городские власти так и не решили, чем застроить площадь, и теперь здесь простой, но симпатичный городской парк.

По Вайнштрассе я дохожу до Одеонсплатц, площади, построенной по приказу короля Максимилиана Первого в 1816 году на месте разрушенной городской стены. Великолепная лоджия Фельдхернхалле, Зал баварских полководцев, была построена к 1844 году по приказу короля Людвига Первого, сына Максимилиана. Ее назначение – прославлять доблесть баварской армии и баварских полководцев, и с этой целью в ней были установлены статуи графа Тилли и князя Вреде (как иронически замечают мюнхенцы – один из них не баварец, а второй не полководец), отлитые из пушечной бронзы. Ирония мюнхенских бюргеров коснулась и центральной аллегорической статуи, которая, по их мнению, символизирует девиз «Знамя отдам, а женщину никогда». Людвиг Первый, к счастью или нет, не обладал таким полетом архитектурной фантазии, как его внук – «сказочный король» Людвиг Второй. Однако Фельдхернхалле, вдохновленный флорентийской Лоджией Ланци, получился впечатляющим и, в целом, красивым, хотя и несколько перегруженным деталями сооружением. Есть у истории этого места

и пара мрачных моментов, напрямую связанных с историей нацизма (как, впрочем, и почти у всего в Мюнхене – из песни слов не выкинешь), но мы, пожалуй, сегодня не будем о них вспоминать.

Я сворачиваю направо и пересекаю по диагонали сад Хофгартен, заложенный еще в 1613 году. Приятное и спокойное, несмотря на большое количество народа, место, одно из моих любимейших в Мюнхене. Но сейчас у меня нет времени побродить в размышлениях по его дорожкам и аллеям или спрятаться в тени павильона Храма Дианы в центре сада, чтобы послушать скрипку уличного музыканта. Я прохожу его, прохожу Финанзгартен и, перейдя Фон-дер-Танн-штрассе по пешеходному переходу у окруженного высоким забором посольства США, углубляюсь в тень аллеи Английского сада.

Здесь можно потеряться. Всё-таки один из крупнейших парков в мире. С момента своего создания в 1792 году – это одно из самых любимых мест отдыха мюнхенцев (ну, после пивных, конечно). Сюда приходят бегать, гулять, загорать на лугах, смотреть на загорающих на лугах нудистов (что удивительно – поскольку обнаженной натурой можно насладиться почти во всех банных комплексах Германии, лучший из которых – Therme Erding – совсем недалеко отсюда, в Эрдинге), и, естественно, пить пиво и вкушать многочисленные сытные закуски. Для последнего здесь есть аж четыре огромных пивных сада, биргартена, которые в совокупности могут вместить более тринадцати тысяч желающих приятно провести время. В один из них – к Китайской башне, я и направляюсь.

Изначально Китайская башня или Китайская пагода была построена в 1790 году по образу и подобию Большой Пагоды в королевском парке Лондона. А та, в свою очередь, была вдохновлена фарфоровой пагодой в китайских императорских садах. Увы, та Китайская башня сгорела в 1944 году (опять же, из-за бомбардировок). Нынешняя, любимое место любителей пить пиво на открытом воздухе, была восстановлена максимально близко к оригиналу в 1952 году.

Несмотря на хмурую погоду, пусть и без дождя, но облачно, в парке много народа. Всё-таки суббота. Я немного удивляюсь, что Вальтер выбрал для встречи такое людное место. Он сибарит и любитель вкусно поесть, хотя и немного мизантроп. Обычно мы с ним встречаемся в дорогих мишленовских ресторанах. Взглянув на людей, наслаждающихся пивом в биргартене у пагоды, я даже начинаю сомневаться, что нам с Вальтером удастся найти место, чтобы спокойно посидеть, но тут я замечаю самого Вальтера. Он обо всём уже позаботился – сидит с кружкой пива за столом у самой башни в компании двух молодых людей с короткими стрижками и серьезным видом. Охрана? Совсем не похоже на Вальтера. Что случилось?

Я приближаюсь. Один из молодых людей встает мне навстречу.

– Nabicht, – коротко бросаю я пароль. Вальтер никогда не видел Хельгу Майер, да и вообще каждый раз он видит кого-то нового. Но должен же он как-то узнавать эмиссаров той таинственной организации, которая выполняет его поручения.

Вальтер кивает, и его охранники расслабляются. Я сажусь напротив Вальтера. Оба молодых человека встают. Один куда-то уходит, второй остается стоять спиной к нам, чуть в стороне от стола всем своим видом показывая, что оставшиеся пару мест за нашим столом лучше никому не занимать.

– Рассказывайте, герр Шнайдер, – с ходу начинаю я.

– Конечно, – он откашливается, нерешительно оглядывается. – Фройлян?

– Шмидт. Марта Шмидт. – Вальтер друг, но ему совсем незачем знать настоящее имя Хельги. – Вы знаете, что мое имя неважно. Я всего лишь посланник. Мистер Гэбриел передает вам привет и просит быть со мной откровенным, как и со всеми его посланниками.

Да, я когда-то из хулиганского интереса сообщил Вальтеру свое имя. С тем самым архангелом он меня, конечно, не ассоциировал. Он считает, что во главе организации стоит таинственный и всемогущий мистер Гэбриел, который общается с Вальтером исключительно шифрованными электронными письмами или через посланников. Каждый раз разных.

– Хорошо, – в его голосе слышна нерешительность.

Вальтер Шнайдер выглядит до анекдотичности похожим на типичного пожилого немецкого бюргера. Невысокий, кругленький, с седыми волосами вокруг лысины и седыми же (когда-то пшеничными) усами-щеткой над верхней губой. Когда-то давно, в конце 1980-х он в свои тридцать был перспективным, но мелким клерком юридической конторы в Западном Берлине. Но упала Стена и он, влюбившись в девушку из Польши, Магдалену Зелинскую, приехавшую взглянуть на недоступный раньше западный мир, отправился на Восток, где и остался на несколько лет. Вместе с ее братом Анджеем они смогли ухватить волну, помогая начинающим капиталистам из Восточной Европы выходить на западные рынки, открывая для них фирмы и помогая устанавливать отношения с западными партнерами.

Аккуратный до педантичности и законопослушный Вальтер чудесным образом сумел избежать контактов и со всемогущими восточноевропейскими и русскими преступными группировками, растаскивавшими бывшую социалистическую государственную собственность на куски во время приватизации, и с военными режимами балканских стран. Возможно, именно поэтому он не сделал больших денег, но зато сохранил голову на плечах, свободу, репутацию и уважение немецких политиков.

Несмотря на скромность, Вальтер не бедствует, пусть и не может померяться состоянием с арабскими шейхами. Его основным активом сейчас были знакомства – его знали и уважали политики самого высшего уровня и в Берлине, и в Брюсселе, не говоря уже о Праге и Варшаве. Частично это была и моя заслуга. Небольшой инвестиционный банк Вальтера и Анджея вышел на новую орбиту после знакомства Вальтера со мной. Пользоваться услугами тайных шпионов Вальтеру поначалу претило, но Анджей убедил его, что так будет лучше, если действовать аккуратно и в рамках закона. Он был прав. Сейчас Вальтер Шнайдер был негласным представителем интересов половины польских и четверти чешских и словацких богатых семей. Немало клиентов было у него и из Румынии, Болгарии, Эстонии, Литвы и Латвии.

Магдалена Шнайдер скончалась три года назад от скоропостижного рака. Потрясенный Вальтер, любивший жену до безумия, нашел утешение в двух своих внуках, поддерживаемый дочерью и Анджеем.

– Видите ли, фройляйн Шмидт... – он заминается, а я замечаю, что в его глазах, изрядно потускневших после смерти Магдалены, поселились страх и отчаяние.

– Просто Марта, герр Шнайдер.

– Хорошо... Тогда просто Вальтер. Вы знаете моего партнера Анджея Зелинского?

– Мистер Гэбриел рассказывал о нем.

– Его убили пять дней назад.

Ух ты. Вот это удар. Это многое объясняет – и охрану, и страх Вальтера, и горечь в его глазах и тоне.

После Магдалены, ее брат Анджей был самым близким для Вальтера человеком. Не такой рассудительный и осторожный, как сам Вальтер, Анджей в их паре был человеком, подталкивающим их совместный бизнес вперед. До встречи с Вальтером Анджей был бухгалтером, и неплохим. Сначала он не слишком обрадовался тому, что его сестра привела в дом немца – была там неприятная история в прошлом в 1940-м. Но они быстро подружились с Вальтером, и именно Анджей предложил начать совместный бизнес. Так и повелось – Анджей придумывал новые идеи и находил клиентов, а Вальтер воплощал эти идеи в жизнь. Анджей был чуть моложе Вальтера, на пару лет. Представляю, каково сейчас его жене Маргарете...

– Как это случилось? – мой голос глух, я пытаюсь сдержать свои эмоции. Гэбби знал и любил Анджея Зелинского, но Хельга Майер, она же Марта Шмидт, иметь к нему личные эмоции не могла.

– Его застрелили в Будапеште, – он смотрит в свою кружку, но она до сих пор полна. За всё время, пока я здесь, он не сделал ни одного глотка.

– Что случилось, Вальтер? Во что вы ввязались? До сих пор вы избегали ситуаций, которые могли бы стать опасными.

– Я не знаю Марту... – вздыхает. – Собственно, я хотел бы попросить мистера Гэбриела и вас помочь мне разобраться в том, что случилось.

Я молчу, думаю, вспоминаю последние дела Вальтера и Анджея.

– Расскажите мне всё, что знаете, – говорю, наконец, не найдя в памяти никаких зацепок. – Что Анджеем делал в Будапеште?

– Конечно. Три недели назад с нами связались представители Аушруми. Это такая латвийская банковская группа, одна из самых крупных в Латвии.

– Я знаю.

Я действительно знаю. Мне не приходилось лично пересекаться с Аушруми, пока не приходилось, но я слышал о них. Ничего плохого.

– Да, несомненно, – соглашается Вальтер. – Они попросили помочь их клиенту с покупкой активов в Венгрии. Мы, подумав, согласились.

– Зачем им были вы? Почему они сами не сделали это для своего клиента?

– Мы задались тем же вопросом. В Аушруми нам объяснили, что клиент не из Западной Европы, но хотел бы, чтобы к сделке не было никаких претензий со стороны любых регуляторов Евросоюза. Мы же были известны тем, что досконально проверяем всё, и к нашим сделкам не бывает претензий.

– Грязные деньги?

– Они уверяли нас, что всё чисто, – легкая неуверенность в голосе. – Мы проверяли, Марта, честно говорю – проверяли. Несмотря на репутацию Аушруми, у нас тоже возникли эти вопросы. Однако ничего подозрительного не было.

– И, тем не менее, Анджеем Зелинский мертв, – я тут же жалею о своих словах, они прозвучали как обвинение.

– И тем не менее... – Вальтер ссутулился еще более, пряча слезы в красных глазах.

– Простите, герр Шнайдер, – извиняюсь я, – я сказала, не подумав. Что было предметом сделки?

– Ничего страшного, Марта. Просто это всё так внезапно... Я еще даже не успел осознать... Мы покупали некий маленький венгерский банк. Ничего примечательного, даже не третий десяток в рейтинге. Мы даже начали думать, что у Аушруми нет клиента, и они сами покупают этот банк для себя, чтобы через него выйти на рынок Венгрии.

– Какой именно банк?

– Эгрес Банк. Слышали о нем?

– Нет, – я, правда, первый раз слышу. – Что это за банк?

– Маленькое учреждение с офисом в Будапеште и десятком сотрудников. Когда-то они, кажется, начинали развиваться, но потом рост прекратился. Сейчас это банк для своих. Больше мелкий частный инвестиционный банк, как наш, чем что-то серьезное.

– Почему Аушруми интересовал именно он? Или они дали несколько вариантов на выбор?

– Нет, интересовал именно он. Внятных объяснений, почему, мы так и не получили. Мы обсуждали это с Анджеем, он решил сначала съездить в Венгрию, осмотреться, поговорить с руководством этого банка, а потом уже делать выводы и задавать вопросы Аушруми. Аушруми нас торопили, но мы не бросаемся в омут с головой, без понимания, что и почему

мы делаем. Мы даже предложили Ауструми, если они спешат, воспользоваться какой-нибудь другой фирмой.

– А они?

– Извинились и сказали, что полностью нам доверяют, поэтому мы можем действовать так, как сочтем нужным.

– И Анджей поехал в Будапешт.

– Да. И там его застрелили, – он, наконец, делает глоток из кружки с пивом.

Возвращается второй охранник. Ставит передо мной кружку с пивом и тарелку с колбасками и капустой. Кивает головой и отходит, присоединившись к своему товарищу в безмолвном карауле.

– Спасибо, – я улыбаюсь Вальтеру. – Что удалось узнать Анджею до убийства?

– Я не знаю, – он снова вздыхает. – Он позвонил мне сразу после встречи и сказал, что всё хорошо, но есть один момент, который нужно прояснить. Собирался как раз этим заняться и перезвонить позже. Следующий звонок мне поступил уже от убитой горем Маргареты.

– А что полиция?

– Венгерская полиция что-то делает, что-то ищет. Пока безрезультатно. Они попросили явиться на допрос Маргарету, попросили, через нее, приехать и меня.

– Вы ездили?

– Пока нет. Я хотел сначала пообщаться с вами и с мистером Гэбриелом.

– Похороны уже были?

– Полиция пока не отдает тело. Пока еще идет расследование, экспертизы.

– И вы хотите, чтобы мы выяснили, что произошло с Анджеем?

– Не только, – он внезапно начинает дрожать, как от холода, но на улице тепло. – Два дня назад пытались похитить мою дочь. Здесь, в Мюнхене. К ней подбежал какой-то мужчина, попытался затолкнуть в синюю шкodu с венгерскими номерами. Но она отбилась, она занималась тхэквондо, закричала, к ним побежали люди... Этот человек прыгнул в машину и уехал. Я обратился в полицию, но там не было камер, а номер машины никто не запомнил. Мне только пообещали, что нападавшего будут искать, но никто не воспринял это всерьез, как мне кажется.

– Кроме вас.

– Естественно, кроме меня! Я нанял охрану, сами видите, Марта. И для дочери, хотя она возмущалась, и для внуков. И для Маргареты с ее детьми и внуками. Это не так дорого стоит. Ну, вот, видите, до чего мы докатились?.. Почти шестьдесят лет я прожил без охраны и без единой проблемы с бандитами и с законом. И вот, мой партнер, мой друг, убит, а мою дочь пытаются украсть в центре Мюнхена!.. Вы поможете мне, Марта? Просите любую сумму, я заплачу. Пожалуйста...

– Что именно вы хотите узнать, Вальтер? – я уже знаю, что возьмусь за это дело. Не ради денег, ради Анджея Зелинского.

– Я хочу знать, почему убили Анджея, – Вальтер поднимает глаза и смотрит мне прямо в лицо, его голос становится твердым и решительным – вот он, тот Вальтер Шнайдер, которого я знаю. – Я хочу знать все обстоятельства его смерти и ее причину. Я хочу знать, кто его убил и кто заказал это убийство. Я хочу знать, что такого в этом Эгрес Банке и почему наш интерес к нему, только поверхностный интерес, стал причиной убийства. И какая роль Ауструми в этом деле. Если кто-то в Ауструми сотрудничает с убийцами и подставил нас специально, я хочу знать кто это, и является ли это личной инициативой сотрудника или позицией всей группы Ауструми. Я хочу найти ответы, Марта. Ответы на все вопросы.

– И вы не хотите покарать убийц?

– Хочу, – он делает паузу. – Но я не смею просить вас об этом. Я знаю мистера Гэбриела уже давно, и знаю, что ваша сфера деятельности – информация. Мне нужна информация, а потом я найду тех, кто с помощью этой информации сможет покарать убийц.

– Понимаю.

– Впрочем, – он поднимает ладонь, прерывая меня, – если в процессе выявления этой информации вы найдете возможность воздать убийцам по заслугам... Нет, не убивать, конечно, упаси Боже, но помочь правоохранительным органам задержать убийц и их пособников. Я думаю, это было бы просто замечательно.

– Я понимаю, Вальтер, – я киваю. – Мы принимаем заказ. Мы постараемся найти для вас ответы. На все вопросы.

– Спасибо, – он в первый раз за эту встречу улыбается, обычно же добрая улыбка не сходит с его лица. – Сколько вы хотите за работу? Миллион евро? Два? Пять? Сколько?

Мне хочется выпалить «не надо ничего, для меня важнее решить саму загадку»! Но я сдерживаюсь.

– Миллион евро будет в самый раз, – я делаю глоток из кружки с вензелем НВ, пшеничное пиво, как всегда, бесподобно. – Плюс, естественно, расходы.

– Конечно, – он облегченно кивает. – Я переведу аванс на ваш счет, как обычно.

– Хорошо, герр Шнайдер.

– Вальтер, – поправляет меня он. – Когда вы приступите?

– Как только я встану из-за этого стола, Вальтер.

– Этим делом будете заниматься вы, Марта, или кто-то еще?

– Вы же знаете, Вальтер, – я улыбаюсь, – что я не могу раскрыть вам наши секреты. Этим делом будет заниматься мистер Гэбриел, и вам достаточно знать это. А будет заниматься им он лично или с помощью своих многочисленных рук, одной из которых являюсь я, это уже дело мистера Гэбриела. Точно так же я не могу сказать вам, сколько займет расследование. Но как только мы всё выясним, мы вам расскажем. Скорее всего, это буду не я, а кто-то другой. Если честно, Вальтер, мы с вами, скорее всего, больше никогда не увидимся.

– Жаль, – он улыбается. – Вы красивая девушка, Марта. Я был бы рад с вами поужинать как-нибудь.

– Спасибо, Вальтер. Я тоже была бы рада, но, боюсь, что нам никогда не удастся это осуществить. У каждого своя дорога.

– Я понимаю, – он кивает. – В любом случае, спасибо вам.

– Всего доброго, Вальтер, – я встаю. – Соболезную вашей утрате. Берегите себя.

– Спасибо. И вы себя берегите. Передавайте привет мистеру Гэбриелу.

– Обязательно. Прощайте, Вальтер.

Я выхожу из-за стола и, не оборачиваясь, иду прочь от Китайской пагоды. Через некоторое время сворачиваю на тропинку в лес. Потом на другую. Еще раз. Прячусь за большим деревом и жду. Нет, никого.

Убедившись в отсутствии слежки, выхожу на аллею. Странно, если бы кто-то всерьез разрабатывал Вальтера и его банк, им было бы интересно, с кем Вальтер встречается через несколько дней после смерти своего партнера. Если за Вальтером не следят, значит, или работают не профессионалы, или речь идет о личном мотиве убийства Анджея. Но при чем тогда попытка похищения дочери Вальтера? Впрочем, есть еще вариант, что за Вальтером следят профессионалы очень высокого уровня, и я просто не могу их засечь. Маловероятно, но исключать такую возможность нельзя. Что ж, их ждет сюрприз. Надеюсь только, я не подставил Хельгу Майер.

В любом случае, похоже, работа ожидается относительно простой. Нужно ехать в Будапешт, войти в тело управляющего этого Эгрес Банка и всех остальных участников сделки. Покопаться в их памяти, поискать связи и причины убийства Анджея Зелинского. При необходимости, съездить в Ригу и залезть в тела и в мозги руководителей Ауструми, уточнив, с кем

из них общались Вальтер и Анджей. Дел на три-четыре дня, а то и на один. И было бы действительно неплохо найти и наказать непосредственного исполнителя убийства.

Итак, с чего начнем?

Нет, не с Будапешта. Мне всё-таки не хватает информации об этом Эгрес Банке. Можно попробовать разузнать всё на месте, но есть и другой путь. Среди промышленных шпионов есть своя специализация. Я не специалист по финансовым группам Восточной Европы, но совсем недалеко, в полутора часах езды, живет тот, кого считают одним из лучших профессионалов в этой сфере. Раз уж я здесь, то стоит, наверное, его навестить и узнать, что ему известно.

Значит, время ехать в Нюрнберг.

Но сперва нужно отправить отдыхать Хельгу Майер. Я сажусь на трамвай и еду на Принценштрассе. Там, в квартире на втором этаже желтого дома с зелеными ставнями и черепичной крышей, живет со своей семьей Герхард Бауэр – владелец маленькой фирмы по международной торговле рудой и металлами и мой нередкий носитель.

В силу своей деятельности, Герхард часто ездит в командировки и встречается с бизнесменами из многих индустрий, что очень удобно для моего прикрытия – не вызывает вопросов ни у семьи, ни у коллег, ни у властей. Семья Герхарда тоже не остается внакладе. Сделки, которые ему удастся совершать с моей помощью, обеспечат прекрасное образование его четверем детям и богатую старость ему самому и его жене.

Мне же важно то, что тот, с кем я собираюсь встретиться, человек чрезвычайно осторожный и скрытный, знает Герхарда и знает его именно как своего коллегу, который не раз уже пользовался его услугами. А значит, мне не придется тратить времени на его поиски.

Что же до Хельги, то как только я переселяюсь в тело Герхарда, я вызываю для нее такси. Она будет в некоторого рода трансе до возвращения в Платцль. Оказавшись в отеле, она будет помнить лишь то, что ей внезапно очень захотелось съездить на выходные в Мюнхен погулять. А дальше она сама решит, остаться ли ей в Мюнхене еще на день, или вернуться в Вену немедленно. Ее номер оплачен на несколько дней вперед, да и в сумочке найдется несколько пачек евро. Надо будет, что ли, через полгода заглянуть в Вену, проведать, как обустраивается жизнь этой милой девушки. Надеюсь, что с ней всё будет хорошо.

А я сажусь в свой Мерседес Е400 (это ужасно непатриотично для баварца, здесь в чести БМВ, зато практично) и отправляюсь в Нюрнберг.

Глава III

22 июля 2017 г.

Нюрнберг, Германия

История Нюрнберга представляет собой рассказ о великих взлетах и грандиозных падениях. С момента первого появления на берегу реки Пегниц города в XI веке, почти тысячу лет назад, Нюрнберг переживал и блеск имперского величия, и забвение, и катастрофу, и новый подъем.

Средневековый расцвет в статусе имперского города, дававшего нюрнбергским купцам право беспощинной торговли в семидесяти городах Священной Римской империи, был подорван грандиозным пожаром 1349 года. Пожар же был вызван погромом еврейского гетто, событие типичное для средневековой Европы, но не менее от того отвратительное. Особенностью этого погрома стало то, что по некоторым данным, он был спровоцирован евреями Праги, опасавшимися конкуренции со стороны нюрнбергских соплеменников.

Город снова отстроили, благодаря кайзеру Карлу IV, любившему этот город настолько, что по его знаменитой «Золотой булле» каждый новый император должен был проводить первое заседание своего правительства именно в Нюрнберге. Величие и значимость Нюрнберга в то время особенно подчеркивает и то, что младший сын Карла, Сигизмунд, в 1420 году повелел перевезти императорские регалии в Нюрнберг и хранить их там вечно. Что и исполнялось до тех пор, как в 1796 году регалии не были перевезены в Вену из-за угрозы французского вторжения.

Около 1470-х годов Нюрнберг переживает новый расцвет. Его обходят стороной религиозные войны – реформация в Нюрнберге проходит относительно спокойно.

Новое падение городу приносит Тридцатилетняя война 1618—1648 годов. Хотя в ней Нюрнберг и сохранил нейтралитет, но ценой его был огромный выкуп, разоривший город и загнавший его в долги. От этого удара Нюрнберг не мог оправиться довольно долго. Лишь в XIX веке намечается подъем индустриального развития, но город всё же остается глубоко в тени и Мюнхена, и прочих крупных немецких городов.

В то время как его более удачливые соседи вовсю перестраиваются, заменяя средневековые фахверковые домики на современные каменные здания, Нюрнберг сохранял свою средневековую застройку и средневековый дух до двадцатого века. И это неожиданно стало причиной его нового, хоть и своеобразного, успеха.

Адольф Гитлер в двадцатые годы был буквально очарован готическим Нюрнбергом. Он посчитал, что город, сохранивший средневековую архитектуру, наилучшим образом воплощает германскую культуру. В 1927 году именно здесь проводится первый съезд НСДАП, и с этого момента начинается новый расцвет Нюрнберга, пусть и краткосрочный.

В городе строятся величественные здания, предназначенные для различных нацистских собраний и шествий (почти не сохранились до нашего времени). В город стекаются миллионы людей. Фактически, он становится главным и самым сокровенным местом для идеологов нацизма. В 1938 году здесь проходит грандиознейший съезд нацистской партии, который посетили более миллиона человек. После оккупации Вены Гитлер возвращает в Нюрнберг имперские регалии.

Этот стремительный взлет всего через несколько лет сменился катастрофическим падением. Англо-американские бомбардировки 2 и 3 января 1945 года уничтожили почти 90% зданий старого города, превратив город в горы камней, тлеющих углей и обломков стен, печальными останками возвышающихся над тем, что еще несколько дней назад было одним из красивейших и древнейших городов Германии, да и всей Европы.

Город пролежал в руинах годы, но, в конце концов, его восстановили. Причем сделали это так хорошо, что каким-то чудесным образом удалось сохранить его средневековый дух, при том, что подавляющее большинство зданий старого города в той или иной степени являются новостройками. Это удивительно, но каждый раз, когда я приезжаю в Нюрнберг (пусть я и делаю это нечасто), меня не покидает ощущение того, что я погружаюсь в какую-то средневековую сказку, погружаюсь в историю, оказываюсь в самом центре той самой, старой, средневековой Европы времен первых императоров и рыцарских турниров. И это при том, что я прекрасно знаю историю этого города, и то, что почти все здания в нем построены на самом деле чуть более полувека назад. Но ощущение остается. Удивительно.

Нюрнберг – город с двойным дном. И фигурально, и реально. Не все знают, но под этим городом существует огромная разветвленная сеть подземелий-катакомб. Образовалась она еще в средневековье как система подвалов для хранения пива – в городе были десятки, если не сотни пивоварен – и сохранилась до сих пор. О ней и об ее запутанности ходит множество легенд, но одна история совершенно правдива – именно эта сеть катакомб, естественных бомбоубежищ, спасла тысячи людей во время ужасных бомбардировок. В Нюрнберге стараниями английских и американских бомбардировщиков погибло около четырех тысяч мирных жителей, в основном, женщин, стариков и детей – совершенно кошмарная цифра, но все же не идущая ни в какое сравнение с двадцатью пятью тысячами погибших при бомбардировке Дрездена месяцем позже.

И все же город выжил. И не просто выжил, но восстановившись и чудом сохранив свой средневековый дух, является сильнейшим магнитом для миллионов туристов, приезжающих сюда ежегодно чтобы прикоснуться к этому чудесному ощущению, особенно в пред рождественские дни, когда здесь открывается лучшая в Европе, а значит – и во всем мире, рождественская ярмарка. Нюрнберг вступил в эпоху своего нового, туристического, расцвета.

Я еду в Нюрнберг, чтобы поговорить с Клаусом Крюгером. Я его терпеть не могу, но, увы, он один из немногих, кто может мне сейчас помочь. И единственный, с кем я могу встретиться быстро.

Крюгер уже немолод. Он родился в 1944 году, и сейчас ему семьдесят три. Сын эсэсовского офицера, одного из командиров конвойных подразделений сначала концлагеря Треблинка, а потом и Аушвица⁴, лично ответственного за уничтожение десятков, а то и сотен, тысяч безвинных пленников. В Треблинке чуть более чем за год, погибло около восьмисот тысяч человек (больше полутора тысяч каждый день!), а в Аушвице от полутора до четырех миллионов человек. Для сравнения, во всем Нюрнберге сейчас живет чуть больше пятисот тысяч человек.

После войны старший Крюгер сумел сбежать в Аргентину, где его долго и безуспешно разыскивали израильские и немецкие спецслужбы, равно как и Центр Симона Визенталя.

Сам Клаус Крюгер привлек внимание к себе после теракта на олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году, выпустив в подпольном неонацистском журнале антисемитскую статью, оправдывавшую действия террористов. Умные ребята в Моссаде сопоставили имена, даты рождения и прочую имеющуюся у них информацию, и в следующем году участники группы Рафи Эйтана (который сам к тому времени уже вышел в отставку) похитили Клауса Крюгера во время его отдыха в Палермо с целью допросить его и выяснить местонахождение его отца.

Клаус рыдал и клялся, что ничего не слышал о своем отце с самой войны. Он признавался, что на самом деле не испытывает никакого сочувствия к нацистам или антисемитам. Рассказывал о том, что у него была возлюбленная, наполовину еврейка. Убеждал своих похитителей в том, что его статья – это всего лишь глупый эпатаж с целью произвести впечатле-

⁴ Также известного под именем «Освенцим».

ние на своих друзей. Его не пытали, даже не били, но бледный и дрожащий молодой человек настолько активно заливал свою рубашку слезами и соплями, что ему поверили и отпустили.

Он лгал. Клаус Крюгер постоянно поддерживал контакт со своим отцом и прекрасно знал, в каком пригороде Буэнос-Айреса тот живет вполне припеваючи, имея прибыльный мясной бизнес и десяток скотобоен по всей стране.

Я нашел старшего Крюгера в 1975 году и хотел выдать его Моссаду, но те, после скандала с похищением Адольфа Эйхмана и неудачных попыток арестовать Йозефа Менгеле, решили не идти на новый конфликт с Аргентиной⁵. Тогда я вспомнил о том, что я не только ангел-вестник, но еще и ангел смерти, приходящий к грешникам с зазубренным и тупым ножом. Для старшего Крюгера я выбрал самый зазубренный нож.

Поиск Крюгера был лишь одним из эпизодов моей личной охоты за нацистскими преступниками в 1960—1970 годах. В то время я был почти одержим идеей воздаяния чудовищам по заслугам, прекрасно помня то, что я сам увидел и прочувствовал на своей шкуре в фашистских лагерях смерти. Я не смог спасти многих тогда, но я был непосредственно причастен к знаменитому побегу из Треблинки. Увы, всё пошло не так, как я хотел, и этот побег лишь вызвал больше жертв в самом лагере. Это надолго выбило меня из колеи тогда.

Я тайно сотрудничал с Моссадом, с немецкими спецслужбами и с Центром Симона Визенталя. Я искал преступников, а когда находил – сдавал их властям. Если же такой возможности не было, я карал их самостоятельно. Мне не доставляло это удовольствия, но я считал это правильным. Все знают, что Йозеф Менгеле умер от сердечного приступа в Бразилии в 1979 году, но только я помню ощущение последних биений его сердца, сжимаемого моей призрачной рукой. Только я видел своими глазами момент, когда нож входил в грудь Густава Вагнера в 1980-м⁶. Официально это посчитали самоубийством. Я находил в середине восьмидесятых Шандора Кепиро и Алоиза Бруннера, но по разным причинам их арест в тот момент не состоялся, а я сам убивать их не стал. Было и много других имен за двадцать с лишним лет, пока я этим занимался. А потом я прекратил эту охоту. Отчасти от того, что почти все существенные фигуры уже умерли или были арестованы. Отчасти из-за того, что всем оставшимся в живых и на свободе было уже немало лет. А охотиться за стариками, несмотря на те ужасные и отвратительные вещи, что эти старики когда-то творили, мне совершенно не хотелось.

Эпизод с Моссадом лишь научил Крюгера осторожнее относиться к тому, что он делает, и все его последующие мерзкие антисемитские и фашистские статьи (а их было множество) в многочисленных неонацистских изданиях выходили под разнообразными псевдонимами.

Более того, он полюбил скрываться и прятаться. Со временем, игра в конспирацию вылилась в серьезный бизнес по промышленному шпионажу и торговлей секретами – компаний, частных лиц, а потом и государств. В восьмидесятые годы, после кризиса вокруг ракет средней дальности в 1983—1984 годах, который едва не привел к ядерной войне, Крюгера много раз неофициально нанимало командование НАТО для сбора сведений о происходящем в странах Варшавского договора, особенно в Польше, Чехословакии и в Венгрии.

Так у Клауса Крюгера появились знакомые в Восточной Европе из числа антикоммунистических подпольщиков. После падения Берлинской стены, Бархатных революций и коллапса Советского Союза многие из этих знакомых внезапно оказались на высокопоставленных позициях в политике и в бизнесе, чем Крюгер немедленно воспользовался.

⁵ Адольф Эйхман, «отец Холокоста», был похищен израильскими агентами в Буэнос-Айресе 11 мая 1960 года, что вызвало большой дипломатический скандал. Казнен в Израиле 1 июня 1962 года. Йозеф Менгеле, врач-убийца из Освенцима, ставивший бесчеловечные эксперименты над заключенными, после этого случая бежал из Аргентины в Парагвай, а затем в Бразилию, где и умер в 1979 году.

⁶ Густав Вагнер, «мясник» и «палач Собибора», ответственный за гибель более двухсот тысяч людей в лагере смерти Собибор.

Одновременно он финансировал и поддерживал десятки неонацистских и антисемитских объединений, формируя базу для оправдания нацистских преступлений и, возможно, для фашистского реванша в Европе в будущем. Впрочем, почти все его инициативы в этом направлении терпели крах. Крюгер злился, но продолжал биться лбом о стену, бесплодно тратя свои деньги. Он не знал, что его игра на этом поле обречена на провал, поскольку здесь ему противостоял я.

Он отошел от дел примерно десять лет назад, являясь тайным владельцем целой бизнес-империи, скрытой в оффшорных компаниях под управлением трастовых агентов, обеспечивающих самому Крюгеру анонимность. Однако он до сих пор крайне внимательно следил за всем, что происходит в Восточной Европе.

И если кто и мог рассказать мне об Ауструми и о странном интересе этой группы к венгерскому банку Эгрес, то это был Клаус Крюгер. Как бы неприятен он мне ни был лично.

До Нюрнберга я доезжаю быстро. Девятый автобан является достойным представителем германских дорог, как известно, лучших в мире, а мой Мерседес – достойным представителем германских автомобилей, как известно, лучших в мире. Я разгоняюсь до двухсот тридцати, а мое сердце колотится в такт ритмам Deep Purple из окружающих меня неисчислимых динамиков.

Я паркуюсь в гараже на Адлерштрассе. Ресторан, в котором мы встречаемся с Клаусом Крюгером, находится в северной части Старого города, но у меня еще есть немного времени, и мне хочется пройтись.

Я пересекаю Пегниц по мосту Музеумсбрюкке (название которого, на самом деле, не связано ни с одним музеем), любуясь на расположенное на арках прямо над рекой имбирно-пряничное здание Больницы Святого Духа. Построенный еще в начале XIV века, этот дом связывается с легендами о том самом Тиле Уленшпигеле, знаменитом немецком шуте, мошеннике и балагуре, который довольно зло подшутил над его обитателями. На протяжении веков комплекс больничных сооружений пережил множество перестроек, самой существенной из которых было, естественно, восстановление здания из руин после бомбардировок. Тогда от здания осталась только часть первого этажа и обломки наружных стен, но сейчас вы ни за что этого не скажете, настолько аутентичным и «средневековым» этот дом выглядит.

По Плюбенхофштрассе я выхожу на Гауптмаркт – самую знаменитую площадь Нюрнберга, рыночную площадь, над которой возвышается коричневая Фрауэнкирхе – Церковь Девы Марии. Двойной готический портал входа в нее украшен искусно выполненными многочисленными скульптурами святых, а над высокими витражными окнами фасада синевой небес и золотом солнца привлекает внимание циферблат огромных часов. Часы эти, установленные в 1506 году, напоминают о Золотой булле 1356 года, объявленной в Нюрнберге и закрепившей порядок престолонаследия в Империи и ставшей одним из главнейших законов Священной Римской империи. Каждый полдень под звуки колоколов, труб и барабанов процессия герцогов-выборщиков окружает золотую фигуру императора.

Сама церковь, построенная в 1350-х годах на месте разрушенной во время еврейского погрома 1349 года синагоги, ныне оказалась неразрывно связана с Рождеством, а точнее, с предрождественскими ярмарками и гуляниями. И дело здесь не только в том, что два храмовых многотрубных органа позволяют устраивать здесь великолепные рождественские концерты. Просто площадь Гауптмаркт стала домом для лучшей и самой известной в мире рождественской ярмарки, и Фрауэнкирхе стала непременным участником рождественских фотографий и открыток, этой ярмарке посвященных.

Блистающее и манящее волшебство огней, игрушек, раскрашенных вручную елочных шаров, музыки, глинтвейна и, конечно, всевозможных сосисок охватывает эту площадь каждый декабрь на протяжении вот уже многих веков. Неизвестно, когда эта традиция началась,

но в начале XVII века она уже существовала, и с тех пор дошла до нас с небольшими перерывами 1898—1933 годов, когда домом для ярмарки являлись набережная Флейшбрюкке или остров Шютт, и 1939—1948 годов, когда ярмарки не проводились из-за войны и послевоенного восстановления. Места на ярмарках строго распределены и передаются по наследству. Я не знаю, можно ли купить их за деньги, я не проверял, но даже если и можно, то, вероятно, это какие-то невероятные деньги, ведь каждый год рождественский рынок посещают больше двух миллионов высокоплатежеспособных туристов, готовых обменять разноцветные бумажки из своих кошельков на чудеса рождественских настроений. И неважно, к какой вы принадлежите религии и как вообще относитесь и к рождеству, и к праздникам, и к ярмаркам – да будь вы хоть самым настоящим Гринчем, едва вы окажетесь среди этих огней, звуков, запахов, образов и впечатлений, вы тут же ощутите себя ребенком в ожидании чуда прямо посреди волшебной сказки. А чудеса эти будут вокруг вас постоянно, только протяните руку и не забывайте следить за кошельком.

До декабря еще далеко, и площадь, несмотря на субботний день, почти пустынна. Легкое оживление имеет место лишь у резной колонны фонтана Щённер Бруннен – дословно «Прекрасный фонтан». Построенный в 1396 году фонтан привлекает туристов не только своей историей и красотой, действительно впечатляющей, но и двумя медными кольцами, вставленными в его ограждение. Если загадать желание и прокрутить каждое из этих колец трижды, то оно исполнится. И, как ни удивительно, это действительно работает. Я сам проверял.

Мое же желание нынче – побыстрее разобраться со встречей с Крюгером, и для его исполнения помощь сверхъестественных сил мне не нужна. Поэтому я минуя фонтан и, пройдя мимо дома с улыбающейся башенкой на углу Вааггассе и улицы Гауптамаркт, начинаю подниматься вверх по мощеной серым булыжником мостовой.

Еще через минуту я подхожу к массивному зданию самого старого храма Нюрнберга – церкви Святого Себастьяна. Во времена своей первоначальной постройки в середине XIII века, она была чуть ли не в два раза меньше и выглядела совершенно по-другому – в романском стиле. Удивительно, но то самое, первоначальное здание, сохранилось там, в центре собора, обстроенное массивными (но легкими с виду) готическими пристройками. Бомбардировки (о которых, увы, приходится в Нюрнберге вспоминать постоянно), хоть и повредили храм довольно значительно, но пощадили его древнюю часть, а также великолепные витражи и сохранение самого Себастьяна.

Я обхожу храм вокруг и выхожу на площадь Альбрехта Дюрера. С именем Дюрера, родившегося в этом городе и прожившего здесь почти всю жизнь, за исключением относительно коротких периодов путешествий, в Нюрнберге связано очень много. Вот и я иду на встречу в ресторан, носящий имя этого великолепного художника и, кстати, хорошего и достойного человека.

Я встречаюсь с Клаусом Крюгером в ресторане Albrecht-Dürer-Stube на углу Альбрехт-Дюрер-Штрассе и Агнесгассе. Ресторан, расположенный в чудом сохранившемся доме с почти пятивековой историей только открылся, на часах едва за шесть часов, но Крюгер уже на месте и ждет меня, мрачно уставившись в кружку пива.

Я прохожу мимо пристального взгляда автопортрета Дюрера на стене, минуя зеленую изразцовую печь и сажусь напротив моего собеседника. Он приветствует меня кивком, но ничего не говорит, пока милая улыбчивая девушка не возьмет у меня заказ – прошу принести печеную щуку с яблочной капустой и клецками, местный специалитет, он здесь бесподобен, и, конечно, пшеничное пиво Gutmann.

– Что такое срочное привело тебя в Нюрнберг, юный Герхард? – он хитро прищуривается, поднимая, наконец, на меня взгляд.

Герхарду Бауэру сорок, и юным его назвать никак нельзя. Крюгер рисуется, как бы говоря «с высоты моего возраста и опыта вы все юнцы». Сам он, кстати, выглядит неплохо, значительно моложе своих лет. Современная пластическая хирургия и омолаживающая косметика делают чудеса.

Ну, и спорт, конечно – он прекрасно помогает держать тело в тонусе, а Крюгер спортом никогда не пренебрегает и всячески это подчеркивает – короткий ежик седых волос, серая рубашка военного покроя с короткими рукавами, оставляющая открытой мускулатуру рук, фитнес-браслет на правом запястье, Ролекс ограниченной спортивной серии на левом. Готов спорить, на ногах у него какие-нибудь модные кроссовки из последней коллекции Nike или Under Armor.

– Ну, так что? – бледно-серые глаза буравят меня, кончик узкого длинного носа чуть подергивается над тонкими губами, словно он обнюхивает меня.

– Сразу к делу, уже-не-юный Клаус? – я откидываюсь на спинку стула. – А как же поговорить о жизни? Давно же не виделись.

– Любой каприз за твои деньги, Герхард, – он усмехается, показывая маленькие ровные зубы: стоматолог, наверное, озолотился. – Кстати, о деньгах. Я еще не получил перевод.

– Потому что я его еще не отправил, – я опускаю руку в карман брюк, достаю телефон, захожу в банковское приложение и набираю сумму, а потом демонстрирую экран Крюгеру. – Вот, теперь отправил. Как договаривались, двадцать пять тысяч.

Обычно он берет двадцать. Еще пять – за срочность встречи. Не такая уж и маленькая надбавка, учитывая, что живет он почти в соседнем доме.

– Хорошо, – он кивает. – Стоило бы, конечно, подождать прихода денег, но сегодня суббота...

– Я тебя никогда не обманывал, – напоминаю я. Хотя и стоило бы – добавляю про себя.

– Не обманывал, хе-хе, – он хрипло хихикает. А годы-то всё-таки берут свое...

– Ауструми.

– Ауструми? – он удивленно поднимает брови. – С чего бы вдруг?

– Я плачу за ответы, а не за вопросы.

– Разумно, хе-хе. Ауструми... Латвийская банковская группа, одна из крупнейших в стране, да и на всём Востоке. Но это, хе-хе, полагаю, ты и без меня знаешь, Герхард. Что именно тебя интересует? Акционеры? Отчетность? Структура?

– У них есть интересы в Венгрии?

– В Венгрии? – он задумывается. – Явных нет. Они работают в Латвии, Чехии, Швейцарии, Румынии, России и Беларуси. Пробовали заходить в Словакию, но что-то у них не пошло. Приглядываются к Польше. Но про Венгрию я не слышал. А что, ты знаешь что-то про их интересы в Венгрии?

– Может быть.

– Слушай, Герхард, – он кривится, – если ты хочешь получить действительно полезную информацию, расскажи, с чем это связано. Я могу тебе что угодно рассказать про Ауструми, но пока я не знаю, к чему это всё, ты получишь только общие сведения. Что конкретно тебя интересует?

– Некоторое время назад группа Ауструми заинтересовалась одним банком в Будапеште. Переговоры закончились не очень хорошо. Один человек погиб. Убит.

– Убит? – он удивленно поджимает губы. – Хочешь сказать, что Ауструми стоит за убийством?

– Нет, – качаю головой, – всё наоборот. Человек, третье лицо, представлял интересы Ауструми.

– Ну, тогда всё может быть. Ауструми в криминал не лезет. По крайней мере, никаких доказанных связей с преступным миром у них нет. И если мне про такие связи не известно, это

значит, хе-хе, что их нет. Но что происходит на другой стороне, они иногда контролировать не могут. Видимо, подозревали, что что-то нечисто, если не сами в переговорах участвовали, а кого-то наняли. А что за банк?

Я колеблюсь, рассказывать или нет.

– Ну, же Герхард, – он разводит руками, – если хочешь что-то еще от меня, спрашивай конкретнее. Ты заплатил, я рассказываю, хе-хе. А пока я тебе скажу, что хотя Ауструми и работают на строго ограниченных рынках, но иногда они выполняют поручения очень крупных клиентов или своих акционеров, помогая им приобретать те или иные активы. В том числе, и в странах, где Ауструми не присутствует. Так что если они что-то покупали в Венгрии, да еще и наняли других лиц вести переговоры, то они выполняли просьбу кого-то из клиентов, скорее всего. Кого-то очень крупного. Если хочешь разобраться в этой истории – ищи их клиентов. Так что за банк?

– Эгрес Банк, – я решаюсь рассказать.

– Эгрес?.. – он задумывается больше, чем на минуту, потом делает долгий глоток пива. – Маленький банк для десятка мелких клиентов. Ничего особенного... С криминалом, вроде, не связан. Там была какая-то история в начале двухтысячных, они, вроде, начали развиваться, деньги у них появились, но как-то всё утихло быстро. Впрочем...

– Что? – я нетерпеливым жестом прерываю его молчание.

– Кажется, было у них что-то странное тогда, лет пятнадцать назад. Какой-то резкий всплеск по оборотам, совсем не отразившийся на выручке. Это даже привлекло внимание венгерских налоговиков, кажется. Но, хе-хе, безрезультатно. Деталей не помню, поищу.

– Поищи.

– Я бы на твоём месте, – он снова делает глоток, – поехал бы в Будапешт и разобрался бы в происходящем на месте. Не знаю, каким боком ты впутался в эту историю, но подозреваю, что ты представляешь или интересы Ауструми, или той самой третьей стороны, чей представитель там погиб.

Он выжидающе смотрит на меня. Я молчу, мое лицо не выражает никаких эмоций.

– Думаю, скорее, последнее, хе-хе, – он усмехается и делает еще глоток. – Но в любом случае, будет больше проку, если разберешься на месте. Ты сам, или кого-то пошлешь. Я подумаю, повспоминаю, поспрашиваю. Если что найду, скину тебе информацию. Имэйл тот же?

– Тот же.

– Ну, что, поедешь?

– Я подумаю, – пожимаю плечами.

– Ну, подумай, хе-хе, подумай... – он встает как раз, когда девушка приносит мою шуку. – Приятного аппетита, Герхард. И удачи в Будапеште.

Он уходит, не оборачиваясь, оставив пустую кружку на столе.

А я наслаждаюсь ужином в обществе прекрасной шуки, не менее прекрасного пива и совсем уж прекрасного одиночества.

Из Нюрнберга в Будапешт есть прямой рейс. Правда летает этим маршрутом только Ryanair и только раз в день. Я залезаю в смартфон и сверяюсь с расписанием – следующий рейс завтра утром. Значит, ночуем в Нюрнберге. Ехать восемь часов на машине на ночь глядя всё равно не хочется. А так, хоть погуляю немного вечером по любимому городу.

Выйдя из ресторана, я спускаюсь по Альбрехт-Дюрер-Штрассе до Вайнмаркта. Свернув на Карлштрассе, прохожу мимо великолепного музея игрушек, который в это время, конечно, уже закрыт, а жаль. Дойдя до здания суда, сворачиваю и выхожу на Макссплатц.

На саму площадь, Впрочем, не иду, а сворачиваю налево, и мимо высокого бело-красного фахверкового дома Вайнштаделя, то есть винного склада, направляюсь к буро-черной высокой прямоугольной Водяной башне.

Водяная башня, которая сейчас используется как общежитие (интересно, наверное, в ней жить), была построена в 1325 году на берегу реки как часть городских защитных сооружений. Однако уже к 1400 году она потеряла свое значение и с тех пор использовалась как тюрьма, соединенная крытым деревянной крышей мостом с маленькой Башней палача (Henkerturm), находящейся на Блошином острове. Как и следует из названия, в последней башне, также построенной в 1325 году, была квартира городского палача, а мост, по которому палач направлялся из дома на работу в тюрьму, получил название Моста палача (Henkersteg). Так же называется и мост, соединяющий Башню палача с южным берегом реки. Мне нравится этот маленький мостик под крышей, поддерживаемой массивными квадратными деревянными балками, почерневшими то ли от времени, то ли от пропитки. Говорят, что в старые времена никто не решался ходить по тому мосту, где ходил палач, а сама работа палача была хоть и прибыльной, но презренной. Не знаю, правда ли это, но с тех пор, несмотря на всех туристов, посещающих этот мост, есть в нем какая-то иллюзия уединения. Именно за ней я туда я и направляюсь.

Она стоит примерно посередине моста, облокотившись на растрескавшиеся доски ограждения, и смотрит вниз – на мутно-зеленые воды Пегница, вяло текущие так близко внизу. Есть в ней что-то неуловимое и глубокое – какое-то ощущение одиночества, но одиночества не отчаянного и печального, а, напротив, одиночества гордого и самодостаточного. Одиночества, которое не тяготит, а к которому стремишься, чтобы отгородиться на время от бурных потоков событий и сменяющих друг друга мгновений. Так одинок ветер, так одинока луна, так одинока первая звезда на вечернем небосводе. И так одинок я.

Она красива. Я не могу угадать ее происхождение. Есть в ней что-то и восточное, и европейское. Какая кровь течет в ее жилах? Арабская? Еврейская? Польская? Венгерская? Скорее всего, всё вместе. Ей, кажется, чуть за двадцать. Темные длинные волосы, спадающие на плечи, тонкое лицо с аккуратным носиком, нежная белая шея, как и кисти рук, лежащие на черном дереве, тонкие губы. Есть в ней какая-то особенная гармония. Какое-то... совершенство?

Я осторожно обхожу ее, машинально стараясь ступать по скрипящим доскам тише, чтобы не прерывать ее безмолвное созерцание. Но она внезапно поворачивается ко мне.

– Вы ведь тоже пришли сюда за покоем, – она хитро улыбается, в глубине ее темных глаз, кажется, пляшут огоньки, или это просто отражение вечернего солнца? – А я вам помешала.

– Нет, что вы... – я смущаюсь и качаю головой.

– Меня зовут Джудит, – в ее немецком слышится странный акцент, но это акцент не английский, в отличие от имени. Ну, Джудит, так Джудит.

– Я Герхард, – изображаю старомодный поклон, снимая воображаемую шляпу. – Джудит... Красивое имя. Я знал как-то одну Джудит. Пожалуй, не стоит напиваться в вашей компании, а то можно потерять голову.

– Только если вас зовут Олоферн, – она задорно смеется. – Но вы молодец, Герхард. Вы не первый, от кого я слышу эту шутку, но не могу сказать, что слышу ее часто⁷. Мне теперь стоит придумать шутку о вашем имени.

– Пожалуй, не стоит, – усмехаюсь. – Боюсь, такая шутка получится слишком пошлой и недостойной такой прекрасной леди.

Она весело смеется.

⁷ Когда ассирийские войска во главе с Олоферном осадили иудейскую Ветилую, молодая вдова Юдифь (Джудит в английском написании) пришла в лагерь Олоферна под видом предсказательницы. Олоферн, плененный её красотой, решил ее напоить и соблазнить, но не рассчитал сил и сам напился и уснул. Юдифь же отсекла его голову его же собственным мечом, принесла ее в город и тем самым воодушевила защитников на вылазку, которая увенчалась полной победой и бегством разбитых ассирийцев.

– Ладно, обладатель красивого и чуть двусмысленного древненемецкого имени⁸, – она машет рукой, подзывая меня, – идите сюда. Чувствую, что мы с вами мыслим на одной волне, а значит, покою друг друга не помешаем. Давайте смотреть на воду вместе.

Мы смотрим. Через непродолжительное время мы переходим на «ты». Еще чуть позже мы оказываемся за столиком пивоварни Барфюссер на Кёнигштрассе. Вкусное пиво разогревает нашу кровь и наши щеки, а потом и темы наших бесед. Не удивительно, что, четыре часа и два бара спустя, мы оказываемся в моем номере на пятом этаже гостиницы Holiday Inn на Энгельхардгассе в юго-западном углу старого города, почти у самой древней крепостной стены.

– Я хочу поиграть, – она сняла блузку, кружевной лифчик сверкает белизной в полутьме.

– И как же?

Она роется в сумочке и достает оттуда две пары наручников и несколько цепочек.

Эге, вот оно что. В эти игры мы уже играли. Далеко не первый раз я встречаю девушку, которая проводит вечер с богатым мужчиной с целью сковать его и оставить в гостиничном номере, скрывшись с его бумажником. Странно, Джудит не производит впечатление такой.

В любом случае, я ничем не рискую. Если она действительно просто хочет поиграть – значит, я интересно проведу время. Если же она хочет меня ограбить... Что ж, в таких случаях хитрые девушки неожиданно обнаруживали себя самих прикованными к кровати, не понимая, как же такая внезапная рокировка произошла. Ну, что посеешь, то и пожнешь. Как говорится, не рой другому яму, особенно если он архангел.

Так, что поиграем.

– Давай, – я улыбаюсь.

Ее юбка падает на пол. Надо сказать, фигура у нее великолепная. Она нежно гладит меня ладонью, проводит губами по моей груди, я чувствую тепло ее дыхания. Потом она берет мои руки и сковывает их наручниками. Пропускает через них цепочку и затягивает ее, пристегнув где-то под кроватью. Момент истины.

Она встает и поднимает юбку. Не обращая на меня внимания, я лежу в одних трусах, надевает ее, застегивает молнию, поправляет.

– Уже уходишь? – скептически интересуюсь я. – Интересная игра. Своеобразная.

– Ну, ты же сам сказал, что не стоит поддаваться мои чарам, – она тепло улыбается и начинает застегивать блузку.

– Надеюсь, голову-то хоть рубить не будешь?

Она несколько секунд внимательно и оценивающе смотрит на меня, как будто размышляя на самом деле – рубить или не рубить.

– Нет, – наконец решает она, – пожалуй, не сегодня.

– Ну, и на том спасибо.

– Всего доброго, Герхард, – она достает мой бумажник из кармана моих брюк.

– Всего доброго, Джудит, – я усмехаюсь.

Игра только начинается, девочка. Через мгновение я войду в твое тело, а еще через несколько секунд ты сама меня освободишь, потом ляжешь на мое место и глубоко заснешь. А я, вернувшись в тело Герхарда Бауэра, закую тебя и уйду, повесив на дверь табличку «не беспокоить». Впрочем, может, стоит поиграть и по-другому, устроив веселый ночной вояж по клубам Нюрнберга в теле красавицы-Джудит. Можно с интересом провести время.

Что ж, приступим.

Я выхожу из тела Герхарда и тянусь к Джудит. И вдруг отлетаю назад.

⁸ Герхард в переводе с древненемецкого означает «твёрдое копьё». В наше время это словосочетание действительно может обладать двусмысленными сексуальными коннотациями.

Как будто я бежал со всех ног и в темноте всем телом налетел на бетонную стену. Как будто на меня, идущего по цветущей поляне, врезался на полном ходу грузовик.

Я отлетаю назад, в тело Герхарда. Я дрожу и задыхаюсь, корчусь на кровати, ловя воздух. Перед глазами всё плывет, в голове бьет колокол, всё тело болит и скрючивается в судорогах. Я кашляю и пытаюсь снова втянуть воздух.

И что хуже всего, я чувствую, что не могу покинуть тело Герхарда.

Впервые за сто лет. Нет, впервые за многие тысячи лет, я чувствую себя бессильным. Я чувствую, что я привязан к этому телу, прикованному к кровати где-то на окраине центра города на окраине центра Европы.

Мне страшно.

Она стоит надо мной и смотрит на меня своими глубокими темными глазами. Она расплывается – мои глаза залиты слезами. Она наблюдает за мной, без злорадства, но и без сочувствия, вообще без эмоций. Просто стоит и смотрит.

– Спокойной ночи, Гэбби, – тихо говорит она, поворачивается и уходит.

Она знает, кто я?

Она! Знает! Кто! Я!???

Кто она?

Кто! Она! Такая!???

Я паникую.

Только секунду. Это проходит. Всё проходит.

Я чувствую, что мне становится лучше, и страх понемногу уходит. Я начинаю брать себя в руки. Никогда бы не подумал, что мне придется бороться со страхом, паникой и почти истерикой. Я пережил две мировые войны и кучи мелких конфликтов. Я был в таких ситуациях, которые не могли бы присниться Стивену Кингу в самых страшных кошмарах. И никогда я не испытывал страх. Я знал, что это такое – из воспоминаний моих носителей. Но никогда сам его по-настоящему не испытывал.

До сегодняшнего вечера.

Осознав встречу с чем-то, что сильнее меня. Ощувив свою привязанность к человеческому телу. Допустив невозможность контролировать ситуацию. Прикоснувшись к смертности, свойственной каждому живому существу и незнакомой реально ни мне, ни моим братьям. Я ощутил дикий, животный ужас. И он меня захватил.

Всё проходит. Я чувствую себя лучше. Перед глазами еще стоит туман, но я могу нормально дышать. Я спокоен.

Еще через несколько минут я могу поднять голову и осмотреться. Я один. Мой бумажник лежит на столе. Джудит его не забрала. Я понимаю, что он ей был не нужен. Ей была нужна демонстрация силы. Ей нужно было меня спровоцировать, чтобы показать, на что она способна. И ей удалось. Удалось легко, несмотря на весь мой многотысячелетний опыт.

Потому что она сыграла на моей многотысячелетней самонадеянности.

Кто она?

Я останавливаю себя, чувствуя приближения нового приступа паники. Кто она – будем разбираться позднее. Сейчас нужно выбираться отсюда.

Проходит еще пара минут и я осознаю, что преграда, держащая меня в теле Герхарда Бауэра, почти исчезла. Еще несколько долгих, очень долгих мгновений, и я покидаю своего носителя, погрузив его в сон.

Взглянув на спящего в наручниках Герхарда, я ментально вздыхаю и начинаю свой путь. Пройдя сквозь дверь, я по лестнице (лифт мне в бесплотном варианте не вызвать) спускаюсь вниз, в лобби. Это занимает чертовски много времени.

Уже далеко за полночь, когда я, наконец, вселяюсь в тело портье. Мартин Дворжак родился в пригороде Праги, но совершенно не скучает по своему родному городу. Здесь, в Нюрнберге, он чувствует себя свободнее, да и платят здесь лучше. Он неплохой человек, этот Мартин, хотя и порядком подустал отвечать на вопросы туристов. Пожалуй, склад характера у него не для сферы обслуживания. Он натура романтическая, пишет стихи на чешском языке, и неплохие. Пожалуй, Мартину повезло. Очень скоро неизвестный меценат подарит ему издание и продвижение его книги. А дальше уже от него самого зависит, как пойдет.

Я роюсь в нижнем ящике бюро. Нахожу кусачки, а потом, покопавшись в памяти Мартина, и связку ключей от разных моделей наручников. В отелях всякое случается и нередко, нужно быть подготовленными.

Поднимаюсь на пятый этаж, открываю мастер-ключом номер Герхарда. Третий ключ из испробованных мной, подходит к наручникам.

Я выхожу из тела Мартина, стерев у него воспоминания о посещении постояльца, оказавшегося в столь затруднительном положении. Мартин отправляется обратно на свое место, а я вселяюсь в Герхарда и засыпаю, не давая мыслям о таинственной Джудит помешать моему сну.

Завтра рано вставать. Нужно лететь в Будапешт. В самолете будет достаточно времени, чтобы подумать о том, с кем или с чем я столкнусь.

Глава IV

23 июля 2017 г.

Будапешт, Венгрия

Проснувшись, я сперва порываюсь отказаться от поездки в Будапешт и отправиться вместо этого на поиски Джудит. Однако, поразмыслив, я отказываюсь от этой идеи. За прошедшее время она могла оказаться уже на другом конце Европы, если не на другом континенте. К тому же бежать за ней вслепую было бы небезопасно, учитывая то, что я понятия не имею, кто она такая, и каковы пределы ее способностей.

Глупо искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Еще глупее искать в темной комнате черную кобру, особенно если она там есть.

В любом случае, я уверен, что ее появление в моей жизни не случайно. Она явно хотела продемонстрировать мне свои способности, а также то, что она знает, кто я такой на самом деле. У нее это получилось, хотя я и понятия не имею, для чего ей это было нужно. Что ж, раз она решила обратить на себя мое внимание, и она знает, кто я, она появится снова. Иначе наша встреча просто бессмысленна. Когда, где, зачем – не знаю, но она появится. Следовательно, буду придерживаться первоначального плана, а Джудит сама меня найдет.

Я еду в аэропорт и у стойки регистрации на рейс в Будапешт переселяюсь в Ингрид Шварц. Она студентка из Нюрнберга и летит к своему жениху, живущему на окраине венгерской столицы. Они с ним очень разные – ей нравится его горячий мажарский темперамент в постели, но он же ее пугает, когда дело доходит до споров и ссор. И еще ее заботит, является ли его любовь к ней искренней, или здесь дело в желании переселиться в благополучную для стороннего наблюдателя Германию. Впрочем, эти опасения явно посеяны матерью Ингрид, которая совсем не в восторге от идеи принятия в свою обеспеченную уважаемую семью неизвестно кого из Восточной Европы. Ситуация обычная для современного мира. Покопавшись в памяти Ингрид, я делаю вывод, что ее жених ее, скорее всего, искренне любит. Вмешиваться в эту ситуацию и корректировать какие-либо эмоции и воспоминания девушки мне не хочется. Вопрос чисто человеческий, вот пусть люди, Ингрид с ее женихом и с ее семьей, сами в нем разбираются.

Самолет встает на эшелон и берет курс на узкий промежуток между Карпатами и Альпами, в котором, тем не менее, умудрились уместиться сразу две европейские столицы – Вена и Братислава. Я смотрю в окно на проплывающие далеко внизу аккуратные прямоугольники полей и думаю о том, кто же такая эта Джудит.

Мне не известен ни один человек, способный заблокировать мою способность в него вселиться. Тем более, таким жестким образом. Конечно, исключать появление такой странной способности нельзя, но, в совокупности с ее знанием обо мне и, скорее всего, о моей истинной природе, случайностью или совпадением это объяснить нельзя. Ее способности имеют сверхъестественную природу, родственную мне, моим братьям и более мелким родственникам – всяким ангелам и демонам.

С другой стороны, узнать обо мне, наверное, не так уж и сложно. В мире есть около десяти человек, которым известно, кто я такой. Еще пара десятков знали раньше, но к настоящему моменту умерли – они могли оставить записи, воспоминания. Кто-то мог на них наткнуться, начать искать, выйти на Вальтера Шнайдера или Клауса Крюгера, проследить за ними. Это возможно, но никак не объясняет невероятные способности девушки. Чисто теоретически можно предположить, что у нее был какой-то защитный амулет, спрятанный в лифчике или в трусиках

(впрочем, само белье тоже могло быть амулетом, особенно если вшить в него металлические нити). Однако изготовить такой амулет мог бы только кто-то из моих братьев.

Получается, что, как бы это ни было печально, следует признать весьма вероятным участие в появлении этой Джудит кого-то из моих родственничков. Вряд ли это прямолинейный Михаил или мудрый целитель Рафаил. Такие проделки больше свойственны кому-то из младших, Варахаилу или Иеремиилу. Или, и это тоже вполне вероятно, хотя и неприятно – со мной играет братец Самаил, более известный как Люцифер.

В таком естественном объяснении есть, однако, серьезный изъян. До сих пор мне всегда удавалось почувствовать что угодно, связанное с моими братьями, чего бы это ни касалось. Дело не в божественном свете и не в специфическом запахе, а в некоем особом внепредельном чувстве, свойственном только обитателям Абсолюта. Если это действительно кто-то из моих сородичей, а я ничего не почувствовал – дело плохо, я теряю свою ангельскую природу. Утешает только, что этого быть не может. Невозможно и всё.

Или я только так думаю?..

Шасси самолета касаются земли, и железная птица весело бежит по бетонной полоске взлетно-посадочной полосы аэропорта Ференца Листа. Рейс короткий, чуть больше часа, и у меня даже не успевают затечь красивые длинные ноги Ингрид в узком промежутке между желто-черными креслами самолета ирландской бюджетной авиакомпании.

Я выхожу из здания аэропорта и сажусь в такси к молчаливому таксисту Золтану. Когда такси подъезжает к маленькому домику на окраине городка Васад в сорока минутах от центра Будапешта, я расплачиваюсь и перескакиваю в тело таксиста. Ингрид выходит из машины и удивленно оглядывается вокруг, изумляясь, как это она так быстро сюда попала. Потом трясет головой (видимо, решает, что просто задремала в пути) и радостно направляется к кованой калитке ограды.

Я же выжимаю сцепление, включаю первую передачу, и моя белая Шкода Октавия шелестит шинами по узкой деревенской улочке. Я направляюсь в самый центр Будапешта.

Мой нынешний носитель, Золтан Ковач, уже немолод. Он родился на окраине Будапешта аккурат 24 октября 1956 года – не самый лучший день в венгерской истории. Появление на улицах города советских танков и последующие бои против советской оккупации, вероятно, изрядно омрачили молодым родителям счастье от рождения сына. К счастью, семью Золтана не затронули напрямую ни уличные сражения, ни последующие репрессии, и его детство было относительно спокойным и счастливым, хоть и небогатым. Выучившись на токаря, Золтан пошел работать на завод Икарус⁹. Конец семидесятых – самый расцвет этого предприятия, и работать на нем считалось очень престижным.

Работником Золтан был хорошим, и в середине восьмидесятых стал мастером, а к концу десятилетия, как раз перед тихим переходом страны от коммунистической власти к демократии, его повысили до заместителя начальника цеха.

Однако всё следующее десятилетие завод переживал не лучшие времена. Производство сокращалось, работники увольнялись. Обычная история для крупных предприятий Восточной Европы. После смены режимов и прекращения поступления высокооплачиваемых советских и военных заказов многие процветающие в прошлом заводы уходили в глубокое пике стагнации, выбраться из которого удавалось не всем.

Золтан продержался на любимом заводе почти до конца. Он ушел только в самом конце тысячелетия, в ноябре 1999 года. А в 2003 производство на заводе полностью прекратилось. Справедливости ради, нужно сказать, что у этой истории есть условно-счастливый

⁹ Тот самый, который производил автобусы.

конец. В 2006 году завод купил венгерский бизнесмен (с которым мы пару раз пересекались по работе), наладивший производство автобусов вновь. Объем выпуска, конечно, далек от того, что был в прошлые десятилетия, но завод, хоть немного, но выживает и даже экспортирует свои автобусы и троллейбусы в Южную Америку.

Выживает и Золтан Ковач. После ухода с завода он некоторое время работал автослесарем на мелком полуподпольном автосервисе, который держали то ли румыны, то ли цыгане, зарабатывающие, помимо ремонта, на разборке угнанных в Австрии машин на запчасти, которые затем продавались на Балканах. Потом, накопив немного денег, купил машину и пошел работать в такси. Машины со временем менялись, но Ковач оставался таксистом, полюбив эту непростое, но, по своему, интересное дело.

Жил он небогато, но и тратил немного, оставляя деньги на подарки дочери и двум внукам. Видел он их, правда редко – дочка, как и многие венгры, перебралась в Германию, во Франкфурт, где работала медсестрой в больнице. Золтан этого не одобрял и был уверен, что в Венгрии она бы уже давно стала хорошим хирургом, благо и образование, и опыт позволяли. Но, оглядываясь на свое прошлое, признавал, что жизнь в Германии давала для дочери и внуков больше стабильности, чем полная вечных политических и экономических проблем жизнь его родной страны.

Мне нужно время, чтобы решить, как встретиться с руководством Эгрес Банка, а точнее, с Шандором Гелленхази – президентом и основным владельцем банка. Вальтер прислал мне на электронную почту его контакты, и я, пока мы ехали из аэропорта в Васад, нашел в интернете его фотографию и удручающе скудную информацию о нем. Мой опыт подсказывает мне, что появляться перед банкиром в образе таксиста Золтана Ковача не самая лучшая идея. Мне нужен кто-то, кто выглядит достаточно солидно для того, чтобы господин Гелленхази не пожалел с первого взгляда о том, что я вырвал его на встречу в воскресенье. И где же такого взять в жаркий летний выходной день? Наверняка все разъехались...

Я еду в центр. Поброжу, поищу, а там посмотрим.

Оставляю машину на подземной парковке на улице Сас. Главное, не забыть оставить Золтану воспоминание о том, где машина. Будет жалко расстроить хорошего человека.

Я решаю просто пойти по улице, приглядываясь к прохожим и выбирая подходящего мне человека. Мне нужен мужчина, прилично выглядящий и ухаживающий за собой. Если он будет в костюме и в галстук (ага, в воскресенье, когда на улице почти тридцать градусов) – это будет вообще здорово. В другой день я взял бы любого мужчину и купил бы костюм в ближайшем магазине, но в Европе найти приличный магазин, открытый в воскресенье, почти нерешаемая задача. А глупостям вроде галстука в Восточной Европе придают неоправданно высокое значение. Увы, приходится это учитывать, чтобы тебя воспринимали всерьез.

Не могу отказать себе в удовольствии задержаться на площади Святого Иштвана и вдоволь наглядеться на одноименную базилику с ее двумя высокими башнями, окружающими большой (двадцать два метра в диаметре, девяносто шесть метров высотой), но удивительно легкий на вид, центральный купол и неоклассический портик главного входа. Самое высокое здание центра Будапешта – почти сто метров высотой – строилось на протяжении полувека, с 1851 по 1905 годы. Собор был почти готов уже в 1868 году, но внезапно обрушился центральный купол. На проектирование нового, строительство и внутренние работы ушло почти сорок лет.

В храме хранятся останки главного святого Венгрии – короля Иштвана. Человек с неоднозначной репутацией он, несомненно, сыграл важнейшую роль в истории своей страны, как, например, польский король Болеслав Храбрый в истории Польши. С Болеславом Иштван,

кстати, то дружил, то воевал, то снова дружил. Непростые средневековые отношения, современным мыльным операм до таких поворотов сюжета далеко.

Кстати, по легенде, обратить венгров в христианство Иштвану велел именно я, явившись ему во сне. Не желая, из уважения к венграм и к красивым легендам, здесь ничего ни подтверждать, ни опровергать, замечу, однако, что иногда сны – это всего лишь сны.

Иштван пережил всех своих детей, что привело к кровавой смуте в борьбе за власть после его смерти. События развивались вполне в духе «Игры престолов» и заслуживают не одной книги. Достаточно сказать, что одного из главных претендентов на престол, князя Нитры Вазула, бывшего двоюродным братом Иштвана, ослепили горячим свинцом по приказу то ли жены Иштвана Гизелы Баварской (официальная версия), то ли по приказу занявшего трон племянника Иштвана Петра Орсеола, то ли по приказу самого Иштвана (непопулярная, но вполне правдоподобная версия), еще при жизни Иштвана.

Поборов с немалым трудом желание выпить пива на террасе одного из многочисленных ресторанов, окружающих площадь, и послушать веселые чардаши духового оркестра, играющего у собора, я вытираю пот со лба и иду дальше по улице Сас.

Мои надежды найти нужного мне человека у одного из высоких бизнес-центров на пересечении с улицей Яноша, мраморные коричневые стены и зеркальные окна которых резко контрастируют с изящно-ажурной неоклассической отделкой всех других домов на улице, увы, не увенчиваются успехом. Я прохожу мимо огромных колонн пафосного, но на удивление симпатичного, здания Национального Банка Венгрии, в котором явно заметно влияние монументальной советской архитектуры сталинского периода, и сворачиваю в сквер Площади Свободы.

Мне нравится это место с его фонтанами, монументами и красивейшими зданиями вокруг – неоклассика и ар-нуво. Будапешт я люблю, но бывать мне здесь приходится нечасто. Как-то так получается, что город не входит в сферу моих постоянных интересов. Тем приятнее снова побывать здесь.

Я принимаю фаталистское решение о том, что на ловца и зверь бежит, сажусь на лавочку и жду. Если за полчаса я не найду подходящую персону, придется идти на встречу с Шандором Гелленхази, как есть.

Удача улыбается мне через шесть минут и сорок две секунды. Он появляется со стороны улицы Аулиха. Задумчивый молодой человек около тридцати лет, высокий, черные волосы аккуратно пострижены. Идет быстро, глаза опущены в задумчивости. Несмотря на жару и выходной, в темно-сером костюме и в галстук того же цвета, в руке коричневый портфель. Я даже засомневался. Так бывает – когда чего-то очень ждешь, а потом оно вдруг исполняется, начинаешь сомневаться и искать, в чем подвох. Но времени для раздумий нет, не гоняться же за ним потом по всему скверу. Ядвигаюсь вперед и вхожу в своего нового носителя.

Его зовут Иштван. Иштван Фаркаш – распространенное в Венгрии имя и не менее распространенная фамилия. Галстук и портфелью в выходной находится вполне понятное объяснение: Иштван – старший консультант в Прайс Вотерхаус Куперс, чей офис находится недалеко отсюда, на улице Башчи-Жилински. Завтра у Иштвана встреча с важным клиентом – крупнейшей в Венгрии нефтяной компанией. Иштван ведет этот проект, первый такой крупный проект в его жизни, поэтому приехал в офис в выходные проверить документы и подготовиться. Конечно, костюм и галстук в воскресенье не обязательны, но наш Иштван очень серьезный и обстоятельный человек. Однако для своей жены и маленького сына, который родился полтора месяца назад, он совсем другой – добрый, веселый и заботливый. Ему непросто переключаться между работой и домом, поэтому сегодня он решил немного прогуляться по центру, прежде чем ехать домой. И встретил меня.

Молодой матери Илоне придется немного подождать своего мужа, но я не забуду это ожидание вознаградить. Возможно, покупка маленького уютного домика в одном из приго-

родов Будапешта, о которой так любят мечтать Иштван и Илона вечерами, случится гораздо раньше, чем они ожидают.

Я бросаю взгляд на задумчиво озирающегося на скамейке Золтана Ковача, киваю ему. Он машинально кивает в ответ, удивленно оглядывая меня. Я же, перейдя площадь, сажусь на скамейку, достаю айфон и набираю номер Шандора Гелленхази.

Нельзя назвать голос господина президента банка довольным, но, узнав кто я, и кого представляю, он соглашается на срочную встречу. У меня есть час до нее, и я решаю дойти до угла улиц Бажа и Шонди, где находится офис Эгрес Банка, пешком, прогулявшись по главной улице города – проспекту Андраши.

Главная парадная улица Будапешта протянулась на два с половиной километра от площади Эржебет до монументальной и помпезной площади Героев. Грандиозная идея строительства парадного проспекта во втором важнейшем городе Австро-Венгерской империи была приурочена к празднованию тысячелетия обретения венграми своей новой родины. Небольшое племя, вышедшее из зауральской тайги, отделившись от своих родственников – хантов и манси, долго скиталось в причерноморских и приазовских степях. Как долго – доподлинно неизвестно, но, вероятно, не меньше нескольких сотен лет. Что известно точно, так это то, что в 896 году племена «унгров» пересекли Карпаты и поселились в Трансильвании, откуда постепенно овладели всеми землями современной Венгрии.

Наступление в 1896 году тысячелетия этого великого для страны события, помимо обширных празднеств, ознаменовалось и масштабной перестройкой центра Будапешта. Проспект в Пеште, носящий имя Радиального был переименован в проспект Андраши (в честь министра иностранных дел Австро-Венгрии Дьюлы Андраши) и расширен. Более двухсот домов были снесены и заменены новыми в псевдоисторическом стиле. На помпезном, но очень уютном проспекте разместилось и здание Оперы, одно из красивейших театральных зданий в мире, и Музыкальная академия Ференца Листа, и Венгерский университет изобразительных искусств, и многочисленные иностранные посольства.

При этом, несмотря на свой величественный статус, претендующий на славу парижских Елисейских полей, это очень приятное и даже тихое место для прогулок. Высокие деревья, плотной стеной отделяющие боковые проезды-дублеры от основной проезжей части (тоже неширокой по нынешним меркам), создают плотную тень, в которой так приятно прогуливаться в жаркий летний день, как сегодня. Вокруг есть, на что посмотреть, и есть, как провести время – множество милых кафе и ресторанов готовы насытить вас пищей плотской, а музеи и театры – снедью духовной.

Проспект не раз менял свои имена. После Второй мировой войны он носил имя Сталина. Во время революционных событий 1956 года получил имя проспекта Молодежи, а после подавления восстания и оккупации Будапешта советскими войсками назывался проспектом Народной республики. Историческое имя – проспект Андраши – вернулось к нему только в 1989 году.

Мне хотелось бы задержаться здесь подольше. Пройтись из конца в конец. Через площадь Героев дойти до парка Варошлигет и побродить по замку Вайдахуняд, который был построен из дерева к тому же самому празднованию тысячелетия обретения родины в качестве театральной декорации, но так понравился жителям, что было принято решение построить его из камня, что и было сделано к 1908 году. Хотелось бы заглянуть в купальню Сеченьи – всё-таки самый большой банный комплекс Европы. А потом прокатиться обратно в центр подо всем проспектом Андраши по самой старой в континентальной Европе линии метрополитена, построенной аж в 1896 году в честь, ну конечно же, пресловутого празднования тысячелетия.

Но делу время, и я сворачиваю налево, на улицу Бажа, и углубляюсь в милый зеленый квартал. Слева от меня высятся стены трех-четырех этажных многоквартирных домов конца

XIX века в стилях неоклассики и ар-нуво. Справа же, в окружении невысоких решеток заборов и бесчисленных деревьев, уютные двухэтажные особняки с колоннами. Я пересекаю улицу Кметы Гьёрги и, пока прохожу через следующий квартал, понимаю, что мне напоминают здания на этих маленьких улочках – плотную застройку центра российского Санкт-Петербурга. В этом нет ничего удивительного – Будапешт в девятнадцатом веке был одной из столиц европейской архитектуры, поэтому вполне возможно, что какими-то из его проектов или, по крайней мере, идей пользовались и архитекторы доходных домов столицы Российской империи. Впрочем, домам в Будапеште, судя по их виду, больше повезло и с климатом, и с уходом. Здания, которые в Санкт-Петербурге выглядят грязными, растрескавшимися и рассыпающимися на глазах, в Будапеште выглядят вполне ухоженными. Не идеальными, но значительно здоровее своих далеких северных двойников.

Я дохожу до следующего перекрестка и достигаю, тем самым, своей цели. Зайдя в дом, я поднимаюсь по лестнице, мраморной, но давно требующей обновления, на второй этаж, где находится офис Эгрес Банка. Найти его не просто – никакой вывески, свидетельствующей о расположении банка здесь, нигде не видно. Но я знаю, что именно я ищу.

Звоню в дверь, и через минуту мне открывает дверь худой человек среднего роста, лет пятидесяти, в черном костюме, галстуке и в круглых очках. Овальное гармоничное лицо, треугольный нос, немного усталый взгляд, темные коротко стриженные волосы вокруг обширной лысины. Мне он кого-то напоминает, и через секунду я вспоминаю – он похож на советского Торквемаду Лаврентия Берию. Неординарный был человек, мы с ним пару раз встречались в конце сороковых, хотя в его теле я так и не успел побывать, а жаль – сколько тайн он хранил.

Отгоняю от себя воспоминания. Сейчас мне нужно быть сосредоточенным. Судя по описанию, меня встречает сам господин Шандор Гелленхази. Ну, это понятно, вряд ли он стал бы вызывать на срочную встречу в воскресенье секретарей и помощников.

– Урам Гелленхази? – на всякий случай подтверждаю я¹⁰. Он кивает. – Я Иштван Фаркаш.

– Здравствуйте, урам Фаркаш, – он жестом приглашает меня следовать за ним, – проходите, пожалуйста.

Кабинет обставлен просто, но со вкусом. Массивная мебель, не пафосный новодел, а настоящий довоенный антиквариат. Шкафы с папками. Потертые кресла с высокими спинками, тоже из имперских времен. На низком журнальном столике кофейный набор из потемневшего английского серебра. Единственная современная вещь в комнате – небольшой темно-серый ноутбук Dell на столе. Мне нравится стиль господина Гелленхази.

– Садитесь, пожалуйста, – он садится на свое место за столом, я занимаю кресло напротив. – Чем я могу быть вам полезен, урам Фаркаш?

– Можно просто Иштван, урам Гелленхази.

– Мне привычнее официальное обращение, простите.

– Хорошо, – я киваю. – Урам Гелленхази, как я говорил, я хотел бы поговорить с вами о том, что случилось несколько дней назад. Я имею в виду несчастье с вашим контрагентом – паном Анджеем Зелинским.

– Почему это интересует Прайс Вотерхауз? – перебивает он. Надо же, он провел подготовительную работу, выяснил кто я, точнее, кто мой носитель. Мне нравится обстоятельный подход.

– Вам известно, кто является заинтересованным покупателем в вашей сделке с Зелинским? – отвечаю я вопросом на вопрос.

– Да, группа Ауструми. Урам Зелинский мне рассказал. Но про вас он не упоминал. Равно как и не сообщил, почему группа Ауструми интересуется моим банком. Я, если честно, не самая вкусная рыба на рынке сейчас. Когда-то да, но не сейчас.

¹⁰ «Урам» – вежливое обращение к мужчине в Венгрии. Аналогично словам «господин» и «мистер».

– Группа Ауструми наняла Анджея Зелинского и Вальтера Шнайдера, – я слежу за реакцией и не нахожу никаких эмоций во взгляде Шандора, – для того, чтобы организовать заключение сделки на самом высоком уровне качества. Все заинтересованы в том, чтобы к сделке не возникло никаких претензий ни сейчас, ни когда-либо в будущем. К сожалению, мне неизвестны причины интереса Ауструми именно к Эгрес Банку. Однако после убийства Анджея Зелинского у заказчиков возникли некоторые опасения, и они попросили нас, пока не официально, выступить дополнительной стороной сделки. Возможно, мы будем аудиторами сделки и будем проводить дью дилиженс, но пока что это не решено. Я здесь частично не официально, и говорю, скорее, от имени Ауструми и Вальтера Шнайдера, чем от имени Прайс Вотерхауз Куперс.

Я почти не соврал. Немного по-иному представил факты, но, в целом, всё так и есть. Ай да молодец, Гэбби. Шандор задумывается.

– И какая цель нашей неофициальной встречи? – он задумчиво потирает подбородок.

– Прежде чем соглашаться на полноценный аудит, с учетом обстоятельств, нам хотелось бы убедиться, что мы не влезем во что-то криминальное. Вы понимаете, о чем я?

– Вы хотите знать, не я ли убил Зелинского?

Я молчу.

– Я не знаю, кто его убил, – он вздыхает. – Его убили на улице, недалеко отсюда, но на улице. Он вышел со встречи, пошел по Шонди в сторону парка. Может, хотел погулять... Был вечер, а здесь, несмотря на то, что район, в целом, тихий, всякое бывает вечерами. Наркоманы, знаете... Его застрелили прямо на улице, бумажник украли. Возможно, просто хотели ограбить. Скорее всего, это вообще не связано с Эгресом. Несчастное стечение обстоятельств.

– О чем вы договорились на встрече?

– Почти ни о чем. Это была уже вторая наша встреча. Мы подтвердили взаимную заинтересованность, обговорили рамки цены, обсудили юридические моменты, но ничего пока не решили.

– Вы не хотите продавать банк, урам Гелленхази?

– Почему же? Вполне. Мне жаль его продавать, я всё-таки двадцать лет с ним живу. Но я прекрасно понимаю, что со всей этой нашей политикой и состоянием экономики я долго не протяну. Конечно, я считаю, что потенциал у Эгрес Банка гораздо больше, чем мне за него предлагают. Но одно дело потенциал, а другое дело реальные деньги. Цена, которую предлагал Зелинский, меня вполне устраивала. Мы бы еще поторговались, для вида, да и поторгуюемся, если Ауструми не отступит, но принципиально мы готовы. Передайте своим клиентам и руководителям, что банк чистый. Я всю жизнь старался не нарушать закон, пусть это было и непорочно, порой. Видимо, поэтому я и сижу в этом маленьком офисе, а не в шикарном стеклянном небоскребе. Убийство Зелинского не имеет никакого отношения к банку, и я не вижу причин, по которым предложенная сделка, если она всё еще интересна Ауструми, не могла бы состояться. Пока их кто-нибудь еще не обогнал...

Он говорит убедительно. Мой опыт подсказывает, что он верит в то, что говорит. Но что-то меня смущает в его последней фразе. Что-то Шандор Гелленхази не договаривает. Есть другие претенденты на банк? Такой маленький банк внезапно вызывает интерес сразу нескольких реальных покупателей? Или это просто попытка поторопить сделку и набить цену?

Я не смогу убедить его просто признаться, что он скрывает. Придется решиться на непростой и немного рискованный шаг. Мне придется покинуть тело Иштвана, войти в Шандора, покопаться в его памяти, а потом вернуться обратно. Причем сделать это так быстро, чтобы Иштван не успел осознать, что он где-то в незнакомом месте, а Шандор не успел бы ничего заметить. У меня будет всего лишь несколько секунд.

Я выскальзываю из Иштвана и прыгаю в своей бесплотной форме через стол к Шандору. Кажется, что на это уходит непозволительно много времени, но это иллюзия – лишь

несколько десятых секунды. Я вхожу в тело Шандора, адаптируюсь и начинаю быстро перебирать в памяти всё, что связано с Зелинским, Аушруми и с претендентами на банк.

Похоже, Шандор Гелленхази не врет. Он действительно не знает ничего об убийстве Анджея. Более того, оно его напугало, чертовски напугало. Он готов продать банк Аушруми за предложенную цену, даже чуть ниже. Однако есть и еще один покупатель. Вот, что он скрывает. Некая компания *Omniways Trust*, о которой Шандор не знает ничего, кроме того, что у них офис где-то в старом городе, в районе Венских ворот. Но они тоже встречались с ним, обсуждали покупку Эгрес Банка и были весьма настойчивыми.

Мне очень хочется поглубже порыться в памяти Гелленхази. Он интересный человек и наверняка прожил занимательную жизнь. Более того, я чувствую где-то там, глубоко, есть что-то любопытное, относящееся, кажется, к периоду расцвета Эгрес Банка. Но я замечаю, что взгляд Иштвана становится осмысленным, и он начинает с удивлением замечать, что он находится не там, где он помнил себя в последний раз.

Я опрометью выскакиваю из тела Шандора и возвращаюсь в Иштвана. Входить в носителя, в теле которого ты уже бывал, всегда легче, чем в нового носителя. Это так же, как прогулки по городу знакомому отличаются от первого посещения совсем нового места. Не так интересно, почти всё уже известно, но не заблудишься даже без карты.

Кажется, всё хорошо. Никто ничего не заметил. Я вежливо прощаюсь с Шандором Гелленхази и покидаю банк. Выйдя из здания, я перехожу пустынную улицу и некоторое время в задумчивости иду по тротуару. Через некоторое время понимаю, что подсознательно повторяю последнюю прогулку Анджея Зелинского. Я не знаю точного места его убийства, но это случилось где-то здесь, на красивой и благополучной улице Шонди, носящей следы и имперского величия, и страшных бомбёжек войны – вон, на месте этого сквера с детской площадкой наверняка раньше был дом, стены соседних зданий еще хранят его следы. Призраки архитектурного прошлого. Проклятые войны.

Итак, поскольку Гелленхази не причастен к убийству Анджея, нужно искать того, кому это убийство было выгодным. Старая, как сам мир, истина: *is fecit cui prodest*. Сделал тот, кому выгодно. В этой сделке участвовал Анджей, Вальтер (его исключаем), Аушруми (маловероятно – убийство Анджея спутало им все карты) и некая компания *Омнивэйз Траст*. С первого взгляда, им смерть конкурента в борьбе за покупку Эгрес Банка выгоднее всего. Первый взгляд далеко не всегда бывает правильным, но проверить их всё равно стоит. Тем более, что у меня больше следов пока нет. Надо пообщаться с этим *Омнивэйзом*, залезть кому-нибудь там в голову, поискать подозрительные следы и зацепки. Выяснить, наконец, зачем всем сдался этот мелкий банк.

Я сажусь на мраморный парапет ограды на углу с Гьёрги и лезу в смартфон. Довольно скоро узнаю, что компания *Omniways Trust* занимается оффшорным администрированием, международными юридическими услугами и доверительным управлением активами. Компания маленькая, но на ногах стоит, судя по всему, неплохо. Офис у них в самом сердце старого города, на улице Оршагхаз. Сегодня воскресенье, и офис наверняка закрыт, но я решаю на всякий случай съездить проверить. Вдруг хотя бы секретарша окажется на месте?

Вызываю Убер, и через несколько минут голубой Опель Астра увозит меня в сторону Дуная. Я прошу водителя остановиться у Венских ворот и прохожу в Старый город пешком. Есть что-то особенное в том, чтобы пересекать границы городов и стран пешком, как в старые времена, а не в суматохе аэропортов или в потоке автомобилей.

Маленькие ворота в крепостной стене рядом с высоким неоготическим зданием государственного архива за свою многовековую историю носили множество названий. Сначала они назывались Субботними воротами, потому что рядом с ними каждую субботу устраивался рынок. Турки называли их *Весс карузу*, что соответствует нынешнему названию. Еще одним

их именем было Еврейские ворота. Сейчас они носят имя Венских и, на самом деле, их нынешняя версия построена относительно недавно – в 1936 году. Старые ворота были разрушены в 1896 году (видимо, в честь празднования тысячелетия национальной истории, либо вследствие этого празднования), однако новые восстановлены достаточно близко к тому, что было раньше.

Я решаю, что мне пора пообедать. Ни я, ни Иштван с утра не ели, а в этом городе, где, как и в Вене, любят вкусно перекусить, игнорировать еду просто греховно. Тем более, что рядом есть отель Бальтазар, а в нем ресторан, где подают один из лучших гуляшей в Будапеште, а значит – и во всем мире.

Я честно скажу, что я не пробовал гуляш во всех бесчисленных ресторанах Венгрии. Однако этот густой суп из говядины я люблю всем сердцем и полагаю себя, с высоты своих веков, его большим ценителем. Так вот, из всех гуляшей, которые я пробовал в Будапеште (а едал я их немало), самый лучший гуляш подают в ресторане Vén Hajó, который находится на корабле, пришвартованном на левом берегу Дуная у гостиницы Интерконтиненталь (кстати, вполне достойная гостиница, а вид из окон на реку и на королевский дворец просто завораживающий). В Vén Hajó недешево, но если вы первый раз в Будапеште, то обязательно идите туда, чтобы сформировать некий эталон, по которому вы сможете судить все другие заведения.

В Бальтазаре гуляш чуть попроще, но тоже хорош. Мне приносят красную эмалированную кастрюльку с супом (подача, которую многие считают классической, а я назову просто эффектной), и я наслаждаюсь густым аппетитным волшебным зельем, запивая его токайским вином.

Пообедав, я отправляюсь искать офис Омнивэйз. Нахожу я его легко, но, как и следовало ожидать, двери наглухо закрыты. На звонки в домофон никто не отвечает, здание вообще не подает никаких признаков наличия в нем разумной жизни, да и неразумной тоже.

Вздыхнув, я решаю, что Иштвану пора отправиться домой. Илона и ребенок уже заждались. Завтра утром я сменю носителя – нельзя же срывать встречу Иштвана с его клиентом, к которой он так долго готовился – и отправлюсь поговорить с обитателями этого запертого офиса. И не забыть отправить деньги на счет Иштвана в благодарность за его, пусть и невольное, участие.

Иштван живет на улице Татра, не так далеко от Венских ворот, на другом берегу Дуная, и я решаю пройти пешком через мост Маргит. Дорога занимает сорок пять минут. На мосту я понимаю, что что-то не дает мне покоя. Словно я что-то упустил или не заметил. Но в этот момент мне звонит Илона, и я вынужден проявлять чудеса дипломатичности, чтобы объяснить раздраженной жене Иштвана, где он шляется весь день, и почему он еще не дома. Не сразу, но, кажется, мне это удастся.

Наконец, я подхожу к двери подъезда и достаю ключ.

И тут же ощущаю знакомый толчок в спину, а вслед за ним слышу и не менее знакомый хлопок. Я уже знаю, что я почувствую следом, и это знание меня совсем не радует. И точно, спустя долю секунды я чувствую дикую обжигающую боль в спине и груди. Я опускаю глаза, чтобы увидеть разорванную пулей рубашку, вокруг отверстия белая ткань стремительно превращается в багряную. И тут чувствую еще один такой же толчок в спину – рядом с первым отверстием появляется второе – вторая пуля тоже прошла навылет, значит, стрелок рядом.

Я оборачиваюсь из последних сил Иштвана и вижу сквозь туман, начинающий застилать его расфокусированный взгляд, фигуру высокого мужчины. Я оседаю на тротуар, опираясь спиной о стену. Как-то мгновенно и сразу вспоминаются сотни моих боев, больших и малых, явных и тайных, и десятки моих носителей, погибших в этих боях. В основном, по моей вине. И Иштван, скорее всего, умирает тоже по моей вине. Я втянул его в опасную игру, игру, которая уже убила хорошего человека Анджея Зелинского, зная о риске. И этот риск убил и Иштвана.

Раны смертельны, и Иштван умрет. Мне его не спасти, но эта смерть дает мне шанс отомстить за него и за Анджея, и раскрыть это дело прямо сейчас. Я готовлюсь.

Убийца приближается, поднимает пистолет (Беретта 92, хорошее оружие – автоматически отмечаю я). За мгновение до того, как он нажмет на спусковой крючок, добивая Иштвана контрольным выстрелом в голову, я покидаю тело Иштвана. В тот же самый момент, как расплавленный металл входит в лоб Иштвана, ломая кости черепа и превращая блестящий мозг молодого консультанта в мертвый всплеск брызг на стене, я захожу в тело убийцы.

Ну, здравствуй, Олег Семенов.

На улице мало народу, но я слышу, как хлопают двери и распахиваются окна. Всем интересно, что случилось. Пара молодых людей на другой стороне узкой улицы, видя лежащего Иштвана, делают попытку протиснуться между плотно припаркованными машинами, чтобы подойти посмотреть, но кинув на меня взгляд, испугано переглядываются и убегают, на ходу доставая смартфоны.

Ах, да. Я наклоняюсь и аккуратно кладу пистолет рядом с телом молодого человека. Сам прислоняюсь спиной к стене и ожидаю.

Олегу почти сорок лет. Он родился в маленьком русском городке, где-то под Челябинском, в конце семидесятых. Можно сказать, повезло. Родился бы на пару-тройку лет раньше и попал бы в самую мясорубку бандитского передела собственности, начавшегося после распада Советского Союза. А так, когда Олег вернулся домой после службы в армии, всех самых ретивых уже перестреляли, а самые умные уже надели галстуки и депутатские значки с триколором. Стремительный рост цен после августовского обрушения экономики в 1998 году съел почти все сбережения семьи Семеновых, и без того небольшие, и Олег, как многие, отправился на заработки в Москву.

Там ему и повезло, и не повезло одновременно. Он хотел пойти на стройку, но там все места уже были заняты нелегалами из Средней Азии (ну, по крайней мере, сам Олег был в этом уверен). А везение заключалось в том, что в охранной фирме, в которую он пришел, прочтя объявление на столбе у станции метро Медведково, директором был бывший офицер той же ракетной части, где Олег проходил свою срочную службу. Олега на работу взяли, и он всё же оказался на стройке – только в качестве охранника.

Дни проходили за днями, смены за сменами. Олег работал много, смотрел внимательно, не жаловался. Через некоторое время его начали приглашать на более серьезные «мероприятия». Серьезные ребята из местной «бригады», присмотрев подходящий магазин или завод, договаривались с кем-нибудь из судей в Подмоскovie или где-нибудь в Калмыкии, и судья принимал решение о том, что этот «объект» теперь принадлежит связанной с бригадой компании. Потом совершалось «мероприятие», суть которого была в том, что на «объект» приезжали серьезные ребята, а вместе с ними с полсотни частных охранников из тех, кто понадежнее, и выкидывали с территории всех, кто был связан с прежним собственником. В принципе, занимались этим в то время в Москве, да и по всей России многие, и волна таких рейдерских захватов поутихла лишь через десять лет.

Однажды всё пошло не так, как ожидалось. Владелец очередного автосалона, пригласившегося «хозяевам» охранной фирмы, где работал Олег, оказался крепким мужиком, командовавшим ротой еще в Афганистане. Он ожидал визит, и, не разговаривая, открыл огонь из охотничьего карабина. С ходу застрелил четверых «братков», еще двоих ранил, а следующую жертву Олег в порыве непонятого мужества прикрыл своим телом. Владельца автосервиса расстреляли на месте, а через несколько дней убили и всю его семью, включая беременную дочку. А Олега с места побоища вытащил тот, кого он закрыл собой – вежливый молодой человек по имени Саша.

Саша был наемным убийцей. Киллером, как говорили тогда в России. И не просто киллером, а самым лучшим. Настолько хорошим, что о нем в России ходят легенды до сих пор, Олег не раз читал статьи о нем, до сих пор сидящем в тюрьме. Человек умный и осторожный, он в процессе исполнения «заказов» пользовался париками, гримом и поистине театральными трюками настолько хорошо, что долгое время московские следователи не только не знали, кто он, но были уверены, что под его кличкой скрываются сразу несколько убийц.

Не отличаясь сентиментальностью, Саша умел, тем не менее, помнить добро, и об Олеге позаботился, не только выйдя его после ранения, но поспособствовав его вступлению в группировку и обучив его части того, что он сам умел. В конце ноября 1999 года Сашу арестовали, а еще через пару лет была разгромлена и вся группировка. Олегу в очередной раз повезло – он не только остался на свободе, но и нашел новых покровителей. Набравшись опыта и осторожности, он старался не лезть в большие игры, и лишь изредка выполнял задания, связанные с убийствами.

С черноволосой студенткой с красивым именем Тимея Олег познакомился случайно в ночном клубе в середине двухтысячных. Студентка из Будапешта настолько поразила Олега, что он сделал ей предложение уже через три дня и три ночи, а она, неожиданно для него, согласилась. Прожив вместе чуть больше шести лет, они разошлись – по-доброму, тихо. От этого периода у Олега остался не только сын и теплые воспоминания о семейной жизни, но и паспорт гражданина Венгрии, а также неплохое знание венгерского и английского. Он неожиданно проявил большую склонность и желание к изучению новых языков. В результате, Олегу стали чаще давать поручения, выполнение которых было связано с поездками по Европе – от латвийской Риги до английского Аскота, где он прославился в узких кругах очень удачной инсценировкой самоубийства когда-то могущественного российского «олигарха».

В памяти Олега много интересных событий, но у меня мало времени. Я ищу то, что связано с Эгрес Банком, убийством Анджея Зелинского, а теперь и Иштвана Фаркаша. И нахожу.

Анджея действительно убил он. Его имя назвал по телефону некий человек с хриплым голосом, которого Олег знал только по кличке «Коник». После этого Олегу нужно было припугнуть Вальтера Шнайдера в Мюнхене, что тот и сделал, попытавшись похитить дочь Вальтера. Олег должен был расстроить сделку по покупке Эгрес Банка группой Ауструми, поскольку другой покупатель, Омнивэйз, хотел получить банк дешевле.

Ну, примерно так и я предполагал. Но вот это интересно: вчера вечером Олегу позвонил Коник и сообщил, что на встречу с Шандором Гелленхази должен приехать кто-то еще, Ауструми всё ещё в деле. Описания того, кто приедет на встречу, не было, но Олег должен был проследить за Шандором и за тем, с кем тот будет встречаться. Хм, о том, что я собираюсь встречаться с Гелленхази знали только Вальтер Шнайдер и Клаус Крюгер. И то, они не могли знать точно, кто и когда придет на встречу. Есть еще эта Джудит – я не говорил ей про поездку в Будапешт (Точно не говорил? Да, точно), но кто ее знает, что она могла вытащить из моих мозгов... Я всё же ставлю на Крюгера. Старая фашистская сволочь, похоже, играет за несколько команд сразу. Я этого не забуду. А память у меня долгая. Тысячелетняя.

Итак, проследив за Шандором, Олег узнал, что тот неожиданно отправляется в пустой офис банка днем в воскресенье. А через некоторое время в банке появился еще один человек – Иштван. Было очевидно, что это именно тот, кто представляет Вальтера и Ауструми. Олег решил проследить за Иштваном, то есть за мной. Сначала просто проследить. И внезапно обнаружил, что я посетил с визитом офис Омнивэйз. Пусть он был закрытым, сам факт того, что мне известно про Омнивэйз, делал меня чрезвычайно опасным для сделки. Олег продолжил следить за мной (вот, что я чувствовал на мосту – слежку), а потом решил, что надо действовать быстро, и убил меня. Ну, то есть Иштвана.

И тут я начинаю испытывать жуткий стыд и мучительные угрызения. Ну, что мне стоило сменить носителя по пути в Старый город? Там же не нужен был лоск консультанта «большой

четверки», достаточно было кого угодно, и прямой связи между Иштваном, Эгресом и Омнивэйз не было бы. Что мне стоило отпустить Иштвана домой к Илоне и ребенку, а потом прийти в Омнивэйз завтра, совсем в другом теле, без слежки? Банальная лень и самоуверенность. Лень тратить силы на адаптацию в новом носителе и уверенность в том, что мне ничего не грозит. Ну что за дурасть с моей стороны? И вот, теперь из-за моей глупости, лени и самоуверенности хороший человек мертв, хорошая девушка осталась вдовой, а младенец, только вступивший в этот мир, встретился с самой грязной его стороной, потеряв отца. Да, это помогло мне раскрыть убийство Зелинского, но стоит ли эта ловля на живца смерти и отчаяния? Нет, конечно.

Да и не то, чтобы я раскрыл это убийство. Олег Семенов всего лишь исполнитель, и мне до сих пор не известно, кто заказал убийство Анджея, почему вокруг Эгрес Банка такая грызня, и кто стоит за Омнивэйз Траст? Судя по тому, что знает Олег, и что говорил Коник, Омнивэйз – это всего лишь посредники. Так же, как Зелинский и Шнайдер для Ауструми. Но кто заказчик Омнивэйз, Олег не знает. Да, черти его побери, он даже не знает, кто такой на самом деле этот Коник! Они встречались пару раз в Москве, но без имен, Коник только передавал деньги от реальных заказчиков. Какой-то бандит-посредник и не более того. В итоге, кто и почему организовал убийство Зелинского, я так и не знаю. Задание Шнайдера еще не выполнено.

Я слышу сирены совсем рядом.

Полиция прибывает раньше скорой помощи. Я поднимаю руки и стараюсь не делать резких движений, отойдя подальше от лежащей на асфальте Беретты. На мгновение в голове мелькает идея броситься на полицейских и вынудить их убить Олега Семенова, но я сдерживаюсь. Тюрьма для него будет более тяжелым испытанием, чем быстрая смерть. К тому же, от выстрелов могут пострадать другие люди – их уже собралось немало вокруг.

Пока меня скручивают, прижав грудью к капоту бело-синей Шкоды, люди, осмелев, подступают к телу Иштвана ближе. Я краем глаза вижу, как бьется в истерике в руках у соседок бледная, как мел, Илона. Держись, девочка. Потерю Иштвана я тебе компенсировать не смогу, но обещаю, что ни ты, ни твой сын не будете ни в чем нуждаться. Прости меня. И ангелы тоже ошибаются.

Следующие три часа я даю показания следователям в полицейском участке. Рассказываю всё о том, что творил Олег и в Венгрии, и в других странах Европы, и в России. Полицейские проглатывают каждое слово. Похоже, кто-то здесь сегодня заработал очередное звание.

Потом меня запирают в камеру. Я покидаю тело Олега и прохожу сквозь стену камеры как раз вовремя, чтобы вселиться в одного из допрашивавших меня следователей, уходящего домой. Извини, мужик, не так быстро. В Будапеште мне делать больше нечего: Омнивэйз – ширма, Гелленхази ничего не знает. Единственная моя зацепка – это таинственный Коник. Нужно ехать в Москву и искать его. Ну, что ж – жди меня, Мама Раша.

Я сажусь в машину и еду в аэропорт. Из Будапешта в столицу России ежедневно летают несколько рейсов, один как раз поздно вечером – я как раз успеваю. Билет покупать мне не нужно, так что надо просто найти, где регистрируют рейс на Москву и подобрать подходящего носителя. Новое вселение сейчас для меня штука непростая, я уже изрядно устал за сегодняшний безумный долгий день, но нужно справиться.

Полтора часа спустя я, Роман Смирнов, менеджер по продажам в большой международной компании, торгующей бытовой техникой, сижу и пью кофе в баре в ожидании посадки в самолет.

Глава V

24 июля 2017 г.

Москва, Россия

Я всегда стараюсь выбирать одиночек в свои носители во время перелетов. С парами сложно. Несколько часов в замкнутом пространстве, плечом к плечу с человеком, который знает тебя досконально. Даже с возможностью читать память и с моими, не побоюсь этого слова, нечеловеческими артистическими способностями всегда есть шанс сказать или сделать что-то не так и вызвать, как минимум, подозрение, а то и неожиданный скандал.

К счастью, в путешествующих в одиночестве путниках в наше время недостатка нет. Пока серебристо-синий самолет Аэрофлота бороздит просторы надоблачного пространства, я лениво копаюсь то в воспоминаниях Романа, то в статьях бортового журнала. Аэрофлотом летать я люблю. У него, может быть, не такие приветливые стюардессы, как бортпроводники Эйр Франс или Джет Блю, но зато и расстояние между креслами побольше, и самолеты поновее, да и кормят неплохо. Не лучше всех, конечно, но на вполне хорошем среднем уровне – сытно и довольно вкусно.

Мои мысли снова и снова возвращаются к Иштвану. Казалось бы, пройдя через тысячи тел, потеряв не один десяток из них и убив, кажется, не одну тысячу моих противников, и в моей физической форме и в астральной, мне стоит относиться к таким вещам спокойно и безразлично. Негоже ангелу смерти из-за этой самой смерти переживать. Но я не могу. Каждый раз, когда я сталкиваюсь со смертью лицом к лицу, умирая, убивая, наблюдая, меня гложет одна навязчивая мысль.

Вот, человек. Результат цепочки рождений тысяч поколений своих предков. Столько лет он рос, развивался, учился, познавал что-то новое, совершал хорошие и плохие поступки, творил, мечтал, чего-то ждал. Сотни миллионов секунд, мгновений, мыслей остались за его спиной. И вот, один короткий момент, пуля, нож, сердечный приступ, всего лишь мгновение, и всего этого нет. Всё это потеряно, и потеряно безвозвратно. Почему так несправедлива ставка – хуже, чем любая лотерея? Сотни миллионов бриллиантов мгновений против короткого момента, перечеркивающего всё. И почему же люди так мало ценят эти мгновения своей жизни до тех пор, пока не встретятся с окончанием своего срока лицом к лицу?..

Чтобы отвлечься от этих размышлений, начинаю просматривать воспоминания своего носителя. Но не нахожу почти ничего интересного. Жизнь Романа нельзя назвать скучной, равно как и насыщенной. Обычная жизнь среднего человека. Работа, дом, вечные московские пробки утром и вечером, на дачу к родителям в выходные, опять пробки. Двое детей, любящих и любимых, жена, опять же, любящая и любимая. Изредка какое-то разнообразие вроде отпуска в Таиланде или такой вот поездки на корпоративный тренинг за границу. Забираюсь дальше и тоже ничего экстраординарного не нахожу. Ну, изменял жене пару раз в молодости. Ну, получал пару раз откаты от контрагентов за лучшие условия сделок. Кто же не оступался? Если бы Роман был полностью безгрешен – вот это было бы чрезвычайно интересно. А так обычная жизнь, обычные развлечения, обычные грешки. Хороший человек, но мне скучно изучать память простого хорошего человека. Я погружаюсь в чтение статей в аэрофлотовском журнале.

Пока самолет, потряхиваясь, вырывается к зданию аэропорта Шереметьево, я продумываю свой план. Мне нужно найти заказчика будапештских убийств – некоего Коники, о котором я ничего не знаю, кроме его клички и внешности. Ну, еще номер телефона, вытасченный из памяти Олега. С него и начнем.

Однако план приходится срочно менять. Пока мы с Романом ожидаем его багаж, я замечаю на телеэкране фотографию Олега Семенова. Похоже, известие о задержании киллера уже успело дойти из Будапешта до московских новостей – ничего удивительного в наше время мгновенного распространения информации.

Я набираю номер Коника. Длинные гудки, потом короткие – отбой. Набираю снова. Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Понятно. Вероятно, Коник уже в курсе ареста Семенова, и звонок на известный тому номер воспринимает как попытку добраться до него самого. Правильно думает, кстати.

Итак, какой у нас новый план? Будь я менее опытным, я бы отправился напрямик в Кремль. Там бы я вселился в самого президента, отдал бы приказ министру внутренних дел, генеральному прокурору и директору ФСБ сразу всем вместе искать этого Коника. Но опыт мой (а я так несколько раз делал по глупости и по молодости) сразу говорит, что это так себе идея. Государственную систему очень сложно растормошить и заставить шестеренки крутиться. Сложнее, чем в одиночку толкать паровоз. А потом ее еще и не менее муторно останавливать, тем более, что всё это оставит огромный след и приведет к непрогнозируемым последствиям. Особенно, если речь идет о России. Коника мне ретивые служащие найдут (и, может, сразу десяток разных Коников), но настоящие заказчики убийств и покупки Эгрес Банка успеют затаиться.

Помощь правоохранительных органов с ее базами данных и механизмами принуждения мне, несомненно, понадобится, но для этого мне совершенно не обязательно забираться на самую вершину муравейника и ворошить его весь.

Получив багаж, я через приложение в смартфоне Романа вызываю такси и называю водителю адрес на Арбате. Через два часа (утренние московские пробки – это что-то невероятно мучительное!) я выхожу из желтого Хёндай около четырехэтажного белого здания, выстроенного кириллической буквой «П», чем-то похожего на школу. Обилие черных и темно-синих машин с красной полосой на борту, припаркованных во дворе, говорит о том, что я прибыл по правильному адресу.

Я выхожу из тела Романа, оставив его недоуменно озираться по сторонам, пытаюсь понять, как он сюда попал, и где он вообще находится, и в бесплотном виде направляюсь к входу в здание. Что ж, похоже, придется приготовиться к долгому путешествию сквозь стены и двери в поисках того, кто мог бы стать моим идеальным носителем для решения стоящей передо мной задачей.

Мне везет. Когда я добираюсь до двери, рядом со мной останавливается черная БМВ, из задней двери которой вылезает солидный полноватый человек в костюме с галстуком и коротко стриженными седыми волосами. На вид ему около шестидесяти.

Пятьдесят пять. Пятьдесят пять лет ему – выясняю я, оказавшись в его теле. Мне и вправду повезло – мой новый носитель Владимир Николаевич Сергеев, генерал-майор юстиции и Руководитель московского Следственного управления Следственного комитета России.

Поднимаюсь по лестнице в свой кабинет, по дороге ленивым кивком отвечая на приветствия подчиненных. Сажусь, оглядываю кабинет. Массивный стол, желтые обои, кожаные кресла. За моей спиной на стене герб России. В углу флаг. В другом углу – портрет президента и какого-то святого, бок о бок. Видимо, покровитель местных сыщиков. Кого они там им назначили, интересно? Ой, да это же мой брат Михаил – вот он порадуетсЯ неожиданно возложенной на него работе. Надо будет обязательно ему рассказать при случае, он так смешно закатывает глаза в такие моменты.

Итак, приступим.

Поднимаю трубку, набираю номер.

- Василий?
- Да, Владимир Николаевич, – голос следователя бодрый, это хорошо, – доброе утро.
- Доброе. Poiщи информацию. Некий Коник, из мелких авторитетов. Имя, фамилия, адрес, всё, что есть. Ну, ты знаешь. Прямо сейчас, отодвинь всё остальное.
- Хорошо, Владимир Николаевич. А это по какому делу?
- По важному, – коротко обрываю я. – Пока вопросы задавать не нужно.
- Так точно, Владимир Николаевич, – в голосе слышится досада и легкий интерес. – Сейчас всё найдем.
- Хорошо. Как найдешь, приноси сразу, без доклада.
- Слушаюсь.
- Я кладу трубку, и пока Василий ищет информацию, изучаю прошлое моего генерала.

Владимир Сергеев родился в 1962 году на окраине Ленинграда. Мальчик из неблагополучной семьи рано потерял отца-алкоголика, и большую часть детства, отрочества и юности провел на улицах. За ум его заставил взяться отчим – человек серьезный и принципиальный, бывший военный, а теперь милиционер-следователь. Отчима, который не стеснялся и крепко поколотить разгильдяя-пасынка, юный Володя люто ненавидел. Однако именно он наставил юного оболтуса на правильный путь, и теперь Владимир Николаевич был ему признателен и благодарен, и никогда не забывал принести цветы на его могилу, бывая в Санкт-Петербурге.

Каким-то чудом (а может, и не без протекции отчима) Володе удалось поступить на юридический факультет Ленинградского государственного университета. Учиться там ему понравилось, и сразу после выпуска его, двадцатитрехлетнего комсомольца-активиста, с радостью взяли на работу в прокуратуру Ждановского района.

Следователем он был неплохим. Крупных дел не раскрывал, но кражи, драки и участвовавшие в конце восьмидесятых, с возвращением домой солдат из Афганистана, убийства раскрывал исправно. Впрочем, никто не знал, но признания в некоторых преступлениях молодой, ретивый и крепкий следователь попросту выбил из невиновных задержанных. Однако, надо признать, что первые годы службы Владимира Николаевича были более или менее достойными. Это оценило и начальство – к 1991 году он был уже заместителем прокурора района, который к тому времени был переименован в Приморский.

Девяносто первый год и последовавшее крушение и Советского союза, и всей коммунистической системы, застали Владимира, как и миллионы других советских граждан, врасплох, повергнув в полную растерянность. Цены устремились вверх, денег выделяли мало, вплоть до того, что было нечем заправлять старенькие служебные Жигули.

Началась мучительная борьба за выживание. Подработка извозом по вечерам, ночная работа сторожем на складе коммерческой фирмы, неудачные попытки торговли то водкой, то сигаретами – всё это приносило копейки. Не удивительно, что две тысячи долларов, предложенные адвокатом за закрытие дела о жестоком избиении предпринимателя, в котором обвинялся молодой парень, связанный с Великолукской группировкой, показались Владимиру Николаевичу целым состоянием. Он не смог устоять.

Так он открыл для себя тот щедрый источник прибыли, к которому уже припали тысячи его коллег из всех правоохранительных органов по всей стране. Сначала он брал деньги просто за протекцию и закрытие уголовных дел. Потом стал прижимать предпринимателей, не желавших платить бандитам, возбуждая против них уголовные дела. Через пару лет дошел и до того, что самолично считал арматурой ребра должников. Были на его счету и убийства, совершенные по заказу своих новых друзей, и заказные изнасилования родственниц несговорчивых жертв рэкета. Неизвестно, до чего бы это дошло, но в девяносто четвертом великолукские крепко поссорились с тамбовскими, а потом умудрились переругаться и внутри себя.

Автоматные очереди, одного за другим, уничтожили почти всех членов самой влиятельной «бригады» города на Неве.

Владимиру Николаевичу хватило ума и везения оказаться в стороне от этих разборок, а через некоторое время ему, уже прокурору Приморского района, поступило недвусмысленное предложение от тамбовцев. Они к тому времени занялись серьезным бизнесом и потихоньку, с помощью высоких покровителей из Мэрии и Государственной думы, подбирали под себя все нефтяные объекты города. Участие прокурора в бандитских разборках им не требовалось, своих бойцов хватало, а вот прикрытие по уголовным делам им было бы весьма полезно.

Их симбиоз продлился около пяти лет. За это время бандиты, так или иначе, поставили под свой контроль почти весь крупный бизнес в городе, а Виктор Николаевич дорос до заместителя прокурора города. Однако в 1999 году у всемогущих хозяев города начались проблемы – прокатилась новая волна убийств, а потом и арестов. Следователи из Генеральной прокуратуры почти подобрались и к самому Владимиру Николаевичу, но тут ему снова повезло: бывший вице-мэр Петербурга стал Президентом России. Начался массовый исход питерских чиновников в Москву, а московским следователям настоятельно посоветовали на прокуратуру северной столицы внимания не обращать.

А вскоре Владимир Сергеев и сам оказался в Генеральной прокуратуре. Но не на допросе, а заместителем руководителя одного из следственных управлений. А еще через несколько лет, когда Следственный комитет отделился от прокуратуры, заслуженного работника прокуратуры назначили с присвоением генеральского звания на важнейший пост – руководить следственными действиями в столице. Здесь масштаб доходов был совсем другой, и Владимир Николаевич черпал полной ложкой.

Я морщусь, перебирая в памяти эпизоды из жизни генерала. Меня буквально тошнит от того, что я вижу. Самое страшное, что если я залезу в головы половины российских чиновников, а то и больше, я увижу картины не меньшей омерзительности. Как там говорил их писатель Салтыков-Щедрин? Пьют и воруют? Ну, да. Именно это, увы, прекрасно описывает происходящее в стране. И от этого больно, страшно и удивительно – страна-то красивая и богатая, люди-то красивые, умные и добрые. Как же это они позволяют всё это с собой творить? Неужели, не видят? Или видят, но не хотят менять?

Вот эта их уродливая азиатская царская покорность – откуда она? Неужели, еще со времен татаро-монгольского ига, когда русские князья покорно (и радостно) убивали братьев и сородичей ради разрешения на правление от азиатских завоевателей? Или это от самодержавных и властных царей – маньяка Ивана Грозного, самодура Алексея Михайловича, палача Петра Первого? С давних времен и до сих пор, столетиями выглаженная покорность. Или это от их православной церкви идет? Но ведь у греков же такого нет. Не то православие? Или просто русское православие специально затачивалось под то, чтобы поддерживать самодержавную безграничную власть правителя и полную бесправную покорность народа? Эти их ныне модные духовные скрепы.

Стук в дверь прерывает мои размышления.

Я молча киваю на стул вошедшему старшему лейтенанту. Он немного неуверенно садится.

– Докладывай, – я откидываюсь на высокую спинку большого кожаного кресла.

– Да, Владимир Николаевич, – он словно вытягивается по стойке «смирно», не вставая со стула. – Конев Дмитрий Иванович, тысяча девятьсот шестьдесят девятого года рождения, город Москва. Кличка «Конь», «Ржаной», «Коник». Судим трижды: за кражу в восемьдесят восьмом, за нанесение телесных повреждений средней тяжести в девяносто шестом, срок условный, и за побои в две тысячи четвертом. Авторитетный, но не коронованный. Проживает

в Москве, улица Профсоюзная, дом восемьдесят восемь. Владеет автомобилем Мерседес, Е-класс, госномер...

– Где он сейчас, можешь выяснить? – перебиваю я его.

– Сейчас?

– Ну, «Поток», что ли, подключите, посмотрите, где машина, – нетерпеливо взмахиваю кистью. – Что мне вас всему учить нужно?

– Да, Владимир Николаевич! – вскакивает. – То есть, нет... То есть, есть, так точно, сейчас сделаем.

Я усмехаюсь ему в спину.

– Мы его нашли, Владимир Николаевич, – Василий звонит мне через десять минут.

– И где он? Дома?

– Нет. Свисс-отель на Павелецкой. Он туда подъезжал. По оперативным данным, каждую неделю там происходят встречи авторитетов в ресторане Горизонт, наверху.

– Знаю. Давно он там?

– Только подъехал, Владимир Николаевич.

– Хорошо, Василий, спасибо, молодец, – я аж через трубку ощущаю, как молодой следователь расплывается в улыбке.

Я кладу трубку и выхожу из кабинета. Спускаюсь по лестнице, жестом подзываю удивленного шофера.

– Едем куда, Владимир Николаевич? – он удивлен, но не смертельно, генерал Сергеев временами совершает неожиданные поездки. А как иначе – вызвали сверху, надо ехать.

– Да, Миша, – сажусь на заднее сиденье. – Свисс-отель знаешь?

– Ну, конечно, Владимир Николаевич.

– Вот туда.

Час пик уже прошел, но на Садовом кольце всё ещё много машин. Без пробок здесь ехать минут десять, но мы тащимся все двадцать пять. Я начинаю нервничать – не хочется гоняться за этим Коником по всей Москве.

Наконец, БМВ заруливает ко входу в высокую серебристую башню, похожую на воткнувшийся носом в землю звездолет. Сквозь вращающуюся дверь в высокой, метров десять, стеклянной стене я попадаю в холл. Охранники-было реагируют на писк рамки, но я выработанным до автоматизма движением достаю служебное удостоверение. Взмах «аргумента» тут же делает стражников в черных костюмах вежливыми и внимательными.

Скоростной лифт возносит меня на самый верх металлического цилиндра отеля. В узком полутемном холле меня встречает восхитительная хостесс. Явно из моделей: ноги идеально стройные, туго обтянутая коротким синим платьем попа безупречной формы, манящая ложбинка меж крутых холмов в глубоком вырезе.

– У вас зарезервирован столик? – белоснежно улыбается она.

– Нет.

Взгляд сразу тускнеет, улыбка по волшебству меняется на строго поджатые губы.

– Простите, у нас только по записи.

– Вот и запиши, милая, – я достаю бумажник и кладу на столик-стойку рядом с ней стодолларовую купюру.

– Конечно, – улыбка снова вспыхивает многообещающим фейерверком, купюра молниеносно исчезает, – вас сейчас проводят.

И правда, не больше чем через двадцать секунд сверху по изогнутой лестнице спускается еще одна повелительница грез и почтительно ведет меня наверх.

Вот не люблю я рестораны «с видом» во всяких башнях. Сколько раз в них был, в разных странах, на телевышках, в небоскребах, и каждый раз с разочарованием убеждался в том, что они того не стоят. Красивый вид увеличивает цену блюд минимум вдвое, а вкус еды обычно весьма посредственный. Вероятно, повара считают, что гости, замороженные панорамной перспективой, на то, что еда полусъедобная, обращать внимание не станут. Пожалуй, единственное исключение – башня Space Needle в Сиэтле. Кормят там неплохо (не то, чтобы что-то особенное, но неплохо), хотя в Сиэтле множество и более вкусных мест. Впрочем, если просто прийти на обзорную площадку, за билет заплатишь примерно столько же, сколько за обед, а так еще и поешь.

В Горизонте я был как-то раз. Вид красивый, Москва город замечательный, но еда так себе. Коктейли вкусные зато. Впрочем, сегодня мне не до еды, сегодня я здесь по делу.

Пока красавица ведет меня по изогнутому коридору между столиками и огромным панорамным окном, я краем глаза изучаю посетителей. Наконец, замечаю, знакомое лицо. Коник здесь, и явно пока уходить не собирается. С ним за столиком еще трое мужчин, как принято говорить, серьезного вида. Услужливый официант наливает в их бокалы вино – его лицо я тоже запоминаю.

Мне сейчас, похоже, предстоит совершить сразу несколько прыжков из тела в тело подряд. Не люблю я это, но что делать. Не допрашивать же Конева, размахивая удостоверением.

– Ваш официант сейчас подойдет, – прелестница посылает мне очаровательную улыбку и оставляет меня одного за столом.

Официант ко мне подходит тот же самый, что обслуживал и Коника с его товарищами. То ли мне в очередной раз везет, то ли просто в этот утренний час в Горизонте мало работников. У них, конечно, только по записи и всё строго, но во всем зале, помимо меня и компании преступников, занята лишь пара столов.

Не дав официанту сказать привычную фразу «Что желаете пить?», перепрыгиваю в его тело. Зовут его Алексей, но мне это безразлично. Лазать по его воспоминаниям мне некогда.

Иду к столу Коника, оставив генерала дремать на диванчике за столом, откинувшись головой на стену. Сразу у стола, перескакиваю в Конева, хорошо, что он сидит с краю. Официант Алексей удивленно озирается, не понимая, почему он снова здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.